

криминальная мелодрама

Екатерина ГРИНЕВА

Новое громкое имя!

Французский жених,
или Рейтинг одиноких мужчин

МНОГО ЧИТАЕШЬ? ПОДАРОК ПОЛУЧАЕШЬ!

Читай внутри условия акции-2011!

Екатерина Гринева

**Французский жених, или
Рейтинг одиноких мужчин**

«ЭКСМО»

2011

Гринева Е.

Французский жених, или Рейтинг одиноких мужчин /
Е. Гринева — «Эксмо», 2011

ISBN 978-5-699-49363-0

Жизнь искусствоведа Кристины скучна и однообразна: дом, работа в арт-бюро да нечастые встречи с женатым любовником. И вдруг командировка во Францию! Кристина должна дать экспертное заключение по коллекции картин олигарха Колпачевского, хранящейся в его особняке в Антибах. Чутье не подвело Кристину: три полотна оказались подделками. Теперь ей угрожает опасность – авантюристы, решившие обвести олигарха вокруг пальца, не пощадят эксперта, разоблачившего обман. Вдобавок вор на мотоцикле вырвал у Кристины сумочку... Кто поможет одинокой девушке, оставшейся в чужой стране без денег и документов? Конечно, импозантный француз, которого она встретила в самолете, а потом... в особняке Колпачевского!

ISBN 978-5-699-49363-0

© Гринева Е., 2011

© Эксмо, 2011

Екатерина Гринева

Французский жених, или Рейтинг одиноких мужчин

Я открыла почту. Незнакомый адрес: *murderer*. Строчки почему-то набраны курсивом. «Скоро ты умрешь, сука!»

Я пожала плечами и удалила файл. Может быть, это письмо попало ко мне по ошибке? Какой-то сумасшедший, обозвавший себя убийцей, случайно отправил мне это письмо?

Врагов у меня – нет, завистников – тоже. Обычная жизнь, не предполагающая тайных недоброжелателей или отвергнутых воздыхателей.

Если бы была жива баба Геня – Генриэтта Карловна, моя бабушка со стороны отца, то она бы презрительно вздернула вверх подбородок и изрекла что-то вроде «Хамы развлекаются». Но Геня умерла почти четыре месяца тому назад.

Полуполька-полулитовка, она происходила из древнего польско-литовского рода, восходившего к королевской династии Ягеллонов, всегда старалась быть на высоте и помнить о своих корнях. Меня она воспитывала точно так же. Что бы ни случилось – женщина должна всегда оставаться женщиной. При любых обстоятельствах и в любых ситуациях надо всегда держать «лицо» и «спинку». Никогда не следует показывать мужчине своего внимания к нему – он сразу же охладает или будет считать тебя дешевкой. Нельзя много болтать – это говорит о легкомыслии – кому охота иметь жену-трещотку? Умение молчать – одно из важнейших свойств настоящей женщины. Еще в этот кодекс входило умение печь торты по праздникам, держать квартиру в идеальной чистоте и вести себя со всеми так, словно они тебе по гроб жизни обязаны.

Я до нормативов этого кодекса не дотягивала. Хотя очень старалась. Баба Геня – как звала я ее – воспитывала меня с пятилетнего возраста, а до тех пор я жила в Чехии вместе с родителями и бабушку видела очень редко. Но когда мне исполнилось пять лет, мы вернулись в Москву и мои родители развелись. Отец, сотрудник российского консульства в Чехословакии, получил новое назначение в Шанхай – место помощника консула. При этом успев жениться во второй раз на своей бывшей однокласснице. Моя мать тоже быстро выскочила замуж – за помощника театрального режиссера Владимирского театра. Отец отбыл в Шанхай, мать – во Владимир. Я осталась одна – никому не нужный ребенок с неправильным прикусом, светло-голубыми глазами, белокурыми кудряшками и бантами такой величины, что лица за ними почти не было видно. Вопрос уже стоял о том, чтобы отправить меня в детдом. Но баба Геня решительно этому воспротивилась.

Девочка будет жить со мной, сказала, как отрезала, она. Сказано – сделано. Так я очутилась в ее двухкомнатной квартире в старинном доме на Кропоткинской улице. Геня сразу же рьяно взялась за мое воспитание. Она не отдала меня в детский сад, сама возилась со мной, обучая меня письму и математике, а также иностранным языкам. Сама баба Геня говорила на шести языках. На русском – это само собой, а еще на французском, английском, литовском, польском и итальянском. Вирусом полиглота она хотела заразить и меня. Я очень старалась, в итоге в совершенстве выучила французский, хуже – английский и могла изъясняться еще на немецком, испанском и итальянском. И еще на очень простом уровне знала чешский.

Я была небольшого роста, тонкококстная, с белой кожей, светлыми глазами и чуть скуластым лицом. Белый воробышек, так называла меня Генриэтта Карловна – или Геня, как называла ее я. В школе меня дразнили белобрысой молью. Пару раз я дала обидчикам сдачи, они мне в ответ еще наподдали, и однажды я пришла домой с синяком на лице и разбитыми коленками. Я не плакала, а терпела боль, стиснув зубы, хотя мне хотелось выть во весь голос. «Кто это тебя, – спросила Геня. – Кто?» Я не выдала обидчика. Она усмехнулась и сказала, что я

поступила благородно, но в следующий раз она надерет уши тем, кто дотронется до меня хотя бы пальцем.

Дачи у нас не было – Геня не любила копать в земле, считая это пустой тратой времени, и летом мы либо находились в Москве, либо выезжали в деревню к Калерии Ивановне, в Питерскую область. Там я всласть объедалась земляникой и морошкой, росшими в нескольких метрах от старого домика Калерии. А Геня раскладывала с Калерией пасьянсы, и по вечерам они дружно раздували самовар на еловых шишечках.

Училась я средне. Очень любила литературу и еще больше – искусство. В нашей квартире, заставленной антикварной мебелью, было множество альбомов по искусству. С детских лет я любила эти альбомы рассматривать, держа их на коленях или кладя на столик. Причудливые фантазии Босха, завитушки Буше и сумрачно-зловещие офорты Гойи – все это будоражило мое воображение и фантазию. Кем мне быть, я не сомневалась – только искусствоведом! Геня поддержала меня. Искусство, сказала она, это занятие аристократов, пусть девочка стремится к высокому. Это очень хорошо! Родни у нас не было, кроме отца в Шанхае и матери во Владимире, поэтому все наши проблемы мы решали сами, ни с кем не советуясь.

В ответ на высказывание, что эта профессия человека не прокормит, как говорили некоторые умники из нашего дома, Геня справедливо отвечала – не ваше дело. Это наши проблемы. Низкий голос Гени умело разрешал все конфликты, желающих спорить с ней практически не находилось.

Я поступила в МГУ, на отделение искусствоведения исторического факультета, закончила его и устроилась работать в Музей изобразительных искусств на Волхонке, в отдел западноевропейской живописи. Как и хотела.

Прошло два года, и я поняла, что мне чего-то стало не хватать. Моя жизнь превратилась в череду скучных событий. В музее работали в основном люди пенсионного и предпенсионного возраста. Разговоры их вертелись вокруг чьих-то детей и внуков, и я казалась самой себе молодой салагой, случайно попавшей в их косяк. Работа тоже была скучной – я занималась составлением каталогов имевшихся в музее картин, то есть повторяла работу своих предшественников. Мне стало казаться, что так все и будет тянуться до самой моей смерти и в моей жизни ничего не произойдет. С личной жизнью все тоже было по нулям. Никого, даже самого завалыщенького кавалера, на моем горизонте не обнаруживалось.

Геня призадумалась. Похоже, в своем стремлении воспитать из меня настоящую молодую леди она перегнула палку. Желających составить компанию этой самой леди что-то не наблюдалось.

И тут подвернулся его величество случай. Как-то раз к нам в музей заглянул по своим делам молодой искусствовед, директор арт-агентства «Верей», и разговорился со мной. Потом он, немного смутившись, попросил у меня визитку. Чего у меня отродясь не было, и я просто дала ему номер своего телефона. Он обещал позвонить.

Я не придавала особого значения его словам, но мой новый знакомый, которого звали Вересов Павел Андреевич, свое обещание сдержал – позвонил.

И не просто позвонил, а пригласил меня в кафе.

В нашем доме это вызвало небольшой переполох.

– Я не пойду – заявила я. – Мне даже и не в чем. У меня все такое старомодное!

– Иди в чем есть, он заинтересовался тобой, а не твоей одеждой, – возражала Геня. – Ты можешь упустить свой шанс.

– Ну и пусть! – возражала я. – Это лучше, чем выглядеть полным чучелом.

– О чем ты говоришь! Ерунда какая-то.

Наверное, я подспудно боялась этого свидания и потому не хотела на него идти. Но Геня буквально вытолкнула меня на улицу, приговаривая:

– Иди! Все будет хорошо.

Вересов повел меня в японский ресторан, объясняя, что это сейчас «ужасно модно». Я слушала его, открыв рот. Он мне сразу показался человеком умным, начитанным и с прекрасным чувством юмора. И очень симпатичным. Хотя, при внимательном рассмотрении, привередливой женщине он мог и не понравиться. Рыжий, волосы часто всклокочены и стоят дыбом, но не потому, что он не дружит с расческой, просто Пашины буйные вихри очень трудно укротить даже при помощи геля, не говоря уж о простой расческе. На носу – россыпь веснушек, очки все время сползают на нос, и он часто их поправляет. Фигура неспортивная. Видно, что человек не торчит в свободное время в фитнес-клубе или тренажерном зале. Но при этом у него – по-мальчишески искренняя улыбка, энциклопедические знания, умение красиво ухаживать и быть галантным. При желании.

В тот вечер он хотел мне понравиться и весьма продвинулся в этом.

Он рассказывал о своей работе, перемежал рассказы о суровых буднях искусствоведа с разными анекдотами и байками. Я от души смеялась и чуть не уронила палочки для еды на пол.

– Ничего страшного. Сейчас принесут новые. А вы? Как вы живете? – внезапно без всякого перехода обратился он ко мне.

Я вся подобралась. Похвастаться мне было нечем. «Живу с бабушкой» – прозвучало бы как-то глупо и убого. «Работаю в отделе западноевропейского искусства» – тоже не лучше.

– Работаю, – не нашла ничего более подходящего я. – Западноевропейская живопись – это очень интересно.

– Особенно если это занятие не кормит, – хмыкнул мой новый знакомый.

– Что вы хотите этим сказать? – проснулась во мне кровь древнего польско-литовского рода. И я чуть было не добавила – «молодой человек»...

– Ничего, – стушевался он. А потом как бы случайно положил свою руку на мою. – Такая тонкая кость. Вы случайно не из дворян?

И тут я сказала ему то, чего не говорила никогда и никому. Во-первых, мне просто было стыдно (Геня говорила, что хвастается и выпячивает себя только быдло), а во-вторых, никто бы мне не поверил. А в-третьих – никому не было до этого дела.

– Я из древнего рода Ягеллонов. Польских королей.

Павел присвистнул. За соседними столиками на нас оглянулись.

– Вау! Раньше я думал, что это все осталось в прошлом: короли, принцы и прекрасные дамы. Но одна из них сейчас сидит передо мной!

– Спасибо, – покраснела я.

– Но могу ли я предложить принцессе из рода Ягеллонов перейти ко мне на работу?

– Как? – растерялась я. – И чем там я буду заниматься?

– Искусством. Как я понял, у вас хорошая квалификация и чувство стиля. Нам такие сотрудники нужны. Вы отлично разбираетесь в искусстве.

– В современном – не очень, – призналась я. – Не понимаю его и не люблю.

– Я тоже, – улыбнулся Павел.

– Но вы считаетесь крупнейшим экспертом по современному искусству! – не выдержала я.

Он вздохнул, снял очки и положил их рядом с тарелкой суши.

– Кристина! Это же такая скользкая область – как зыбкий первый лед. Можно по нему пройти аккуратно, а можно провалиться. Я понятно говорю?

– Относительно.

– Лучше об этом и не спрашивать, – как-то неожиданно заключил он. – Вы у меня будете работать по классическому искусству. Сейчас многие российские олигархи и бизнесмены собирают коллекции различных предметов искусства. Они нуждаются в квалифицированных экспертах и советниках. Вот для этого вы мне и нужны. Теперь понятно?

– Теперь – да. – Я задумалась. По жизни я – отчаянная трусиха и не люблю авантюры. Я привыкла к своему месту работы, к своим пенсионеркам, к их рассказам о внуках и ценах в магазинах. Когда они говорили о знаменитых художниках или критиках, в их интонациях проскальзывали теплые, домашне-интимные нотки.

«Ну, Вазари, голубчик, об этом намекнул очень осторожно». Или: «Рембрандт, как всегда, слезу вышибает»...

Я привыкла к своему кабинету с двумя горшками с геранью на окнах, к своей строгой начальнице Владлене Георгиевне, к ее манерам статс-дамы, когда она хотела поставить меня на место. Я выглядела в ее глазах «зеленой девчонкой» по сравнению с просто «девочками», которым было под шестьдесят. Самой Владлене Георгиевне было уже хорошо за семьдесят.

В кабинете не делался ремонт, наверное, с момента основания Музея изящных искусств, то есть почти сто лет. Покатые своды, бледно-бежевые стены, массивные столы с тугими ящиками, тишина, запах музея – лакированного дерева и пыли. Смеяться или шутить здесь казалось почти святотатством. Компьютер стоял на столе только у меня и еще одной «девочки» – пятидесятисемилетней Татьяны Павловны, нудной старой девы, любившей при случае прочитывать нравоучительную лекцию или без спросу влезть в любой разговор.

– Ну так как? – Павел внимательно наблюдал за мной.

– Я подумаю, – сказала я и выпрямила спинку. Геня была бы довольна мной в тот момент!

– Думайте, – усмехнулся он. – Я подожду. Торопиться мне некуда.

Японская кухня мне понравилась. Собеседник – тоже.

Вересов проводил меня до дома.

– Вы здесь живете? – спросил он, окидывая взглядом старинный дом.

– Да.

– Метры здесь, наверное, кучу бабок стоят?

– Я как-то об этом не думала, – осадила я его. – Я живу в этом доме с самого детства.

– Ну да! Принцесса в красивом замке.

Я уже хотела было обидеться на него, но тут он взял меня за руку и провел моей ладонью по моему лицу. От этой откровенной ласки я смутилась. Но он быстро выпустил мою руку.

– Было очень приятно провести с вами вечер, Кристиночка! Вы – удивительная девушка.

– Спасибо. Вы – тоже.

– Удивительный человек? – И Павел повертел головой. – Я бы так о себе не сказал. Но за комплимент – спасибо. Мы еще обязательно встретимся.

Дул сильный февральский ветер. Павел поднял воротник пальто.

– До встречи.

– До свидания. – И я скрылась в гулком парадном.

Геня не спала.

– Ну, и как прошло свидание?

Она стояла в коридоре – среднего роста, в темном платье с кружевным воротником. Халатов Геня не признавала.

– Хорошо. Он очень славный, – сказала я, разматывая шарф и вешая куртку на вешалку.

– Тебе он понравился?

– Да.

– Пойдем пить чай.

– Я только что из ресторана, Геня!

– Чай с имбирем успокаивает нервы.

– Они у меня в порядке.

– Ты не видишь себя со стороны. Твои глаза блестят, а щеки покраснелись. Ты вся как натянутая струна. И это ты называешь «в порядке»?

Может, я и была взволнована, но только самую малость. Но как это Геня угадала мое состояние?

В кухне Геня зажгла свечи. Она любила иногда чаевничать при свечах. Особенно длинными зимними вечерами, когда огоньки красных, золотых и синих свечей мерцали и метались по стенам искаженными зигзагами.

– Расскажи поподробнее.

– Он сделал мне предложение, – сказала я, усаживаясь за стул с высокой спинкой. И рассмеялась над своими словами: – Звучит двусмысленно? Он предложил мне пойти к нему на работу. В арт-агентство «Верей». Он – искусствовед и эксперт по искусству. Я буду у него работать с классикой. По своему направлению, так что будущий фронт работы мне близок и понятен, переучиваться не придется – это мой профиль. Я обещала подумать.

– Переходи. Даже не думай!

Я чуть не упала со стула. Я-то думала, что Геня примется отговаривать меня и начнет призывать: не надо суетиться, не делай, мол, поспешных шагов.

Оказалось, что думала я так зря.

– Геня, я не ослышалась?

– Нет, – голос у Гени сел, как это всегда происходило, когда она волновалась. – Переходи. Не раздумывай долго. Когда нужно принять важное решение – принимай его быстро. Без колебаний. Будешь долго думать –пустишь судьбу. Она очень легкокрылая и не терпит тугодумов. Поняла?

– Да. – Я была немного удивлена горячностью Гени.

– Он спрашивал тебя: как ты живешь, чем занимаешься?

– Немного, так кое о чем.

– Что ты ему сказала?

– Я... – Я смотрела на Геню, и у меня язык не поворачивался сказать, что я призналась, из какого происхожу рода. Геня бы этого точно не одобрила. Даже бы поругала меня маленько. А может, и сильно рассердилась бы. На всякий случай я решила промолчать. Ради сохранения мира в нашем узком семейном кругу. – Да так. Ничего.

– Он женат?

– Геня! Какое мне дело до этого? – рассердилась я.

– Дело есть. Ты – девушка молодая, и тебе надо мужа искать.

– Геня, а как же любовь? Ты всегда говорила, что надо выходить замуж по любви и не размениваться на проходные романы. Это – твои слова!

Геня замолчала. В бликах свечи черты ее лица приобрели некую резкость. Оно стало как маска – суровое и торжественное.

– Может быть, я ошиблась... – сказала она после недолгого молчания. – Все сейчас так упростилось... Этот ужасный двадцатый век!

– Двадцать первый, – поправила я ее.

– Еще хуже. Все куда-то бегут, мужчины ничем себя не обременяют, жениться не торопятся! Или женятся не на тех. То, что ценилось в мое время, сегодня – ветошь и пыль. Изысканные манеры, целомудрие, загадка... Я немножко ошиблась с методами твоего воспитания. Любовь нуждается в медленном ритме; она не терпит суеты, поспешности. Ей нужно созреть, как цветку. Жуткая банальность, но это так. Сегодня все живут в таком бешеном ритме, что любовь не успевает созреть. В сегодняшнем мире она мало котируется. Выражаясь современным языком – у нее низкий рейтинг.

– Геня! – вскричала я. – Ты о чем?

– Не перебивай меня, – приказала она властным тоном. – Я воспитывала из тебя настоящую леди. Но кому это сейчас нужно? Я перестаралась. Мне надо было сделать тебя более решительной и смелой. А так – ты живешь, как в стеклянном замке. Работа, книги... Иногда

ты выходишь – одна – подышать свежим воздухом. И это – жизнь молодой двадцатичетырехлетней девушки? Кристина! Тебе самой не страшно? А если так будет *всегда*?

– Я... не знаю. – Мне стало как-то не по себе. – Я об этом не думала. Старалась не думать.

– А я думаю. С некоторых пор я только и думаю об этом. Я могу в любой момент умереть.

И ты останешься совсем одна. Женщина должна быть женщиной. Один неудачный, плохой роман искупает самую невинную чистоту.

– Раньше ты мне об этом совсем не говорила!

– Это было раньше! – усмехнулась Геня. – Теперь я думаю по-другому.

– А у... тебя было много романов?

По лицу Гени скользнула загадочная улыбка.

– В моей жизни было все. Мне и умирать не страшно. У меня была такая жизнь – событий в ней хватит на несколько томов! Всего и не опишешь.

– Ты мне мало рассказывала о себе.

– Есть вещи, которые тебе незачем знать.

– Меньше знаешь, крепче спишь?

– Вот именно, – сказала Геня. – Попала в точку.

У меня сильно разболелась голова, и вообще стало как-то не по себе от этого разговора. Может, она у меня разболелась из-за слабого света свечей?

– Спасибо, Геня, за чай, – сказала я, поднимаясь со стула. – Я пошла спать. Завтра на работу...

Работа находилась в пяти минутах ходьбы от нашего дома.

– Завтра же и напиши заявление об уходе.

– Куда мне торопиться?

– Иногда время не ждет, – бросила какую-то непонятную фразу Геня. – Ты меня слышишь: завтра же!

– Посмотрю по обстановке.

Уснула я не скоро. Почему-то мне без конца вспоминался сегодняшний вечер: разговор с Вересовым, его неожиданное предложение и странная беседа с Геней. Почему она хочет, чтобы я ушла с работы? И почему она так мало рассказывала мне о себе? По сути дела, я ничего о ней не знаю. Надо бы расспросить ее поподробнее.

Я написала заявление об уходе. Владлена Георгиевна, поджав губы, спросила меня, куда я ухожу. Узнав, что к Вересову, в арт-агентство «Верея», она поджала губы еще сильнее, «в ниточку».

– Вы оттуда сбежите, Кристина! И очень скоро! Эта работа не для вас.

– Это почему же?

– Вы... девушка умная и интеллигентная, а в этих современных галереях и агентствах работает один сброд. Вот попомните мои слова! Скоро вы придете обратно.

Я окинула взглядом кабинет, в котором все было как всегда – просто-таки музейная благолепная тишина, – и кратко бросила:

– Не приду!

Геня, узнав о моем решении, обрадовалась:

– Молодец! Я рада за тебя.

– Мне уже напороочили скорое возвращение, – мрачно сказала я. Вся эта авантюра показалась мне крайне безрассудным поступком.

– Чепуха! Только быдло боится перемен. Я надеюсь, что когда-нибудь ты заразишься здоровым авантюризмом.

– С чего бы это? Да и что хорошего в болтанке туда-сюда? Менять работы, насиженные места...

– С каких это пор ты стала клушей? Похоже, я действительно с тобой переборщила и вместо молодого вина получила уксус.

На «уксус» я обиделась, но тут Геня очаровательно улыбнулась:

– Девочка моя! Авантюризм – это замечательно! Это когда ветер дует в твои паруса, полные жизни, и ты живешь, вдыхая свежий воздух свободы. Это когда твои волосы треплет ветер и ты не можешь думать ни о чем – только о сегодняшнем моменте. Только о нем! Ты понимаешь меня?

– Ты говоришь, как поэт, – откликнулась я.

– Может быть, – загадочно сказала Геня.

Я перешла работать в арт-агентство «Верея», которое по странной иронии судьбы тоже находилось недалеко от моего дома, как и прошлое место работы – Музей изобразительных искусств. Агентство располагалось в старинном здании; наш офис занимал две небольшие комнаты. Кроме меня и Паши в нем работала Светлана Чиж, как ее называл Паша – «девица на все руки», организатор, секретарь, пиарщица и водитель в одном лице.

Еще у нас работал Женя Рассказов – долговязый парень с вечными наушниками в ушах, креативщик-дизайнер, занимавшийся оформлением наших материалов, брошюр и буклетов.

Вот и все работники. Иногда Павел привлекал и других искусствоведов. Но это случалось крайне редко. В основном мы справлялись собственными силами и мозгами.

Агентство занималось экспертизой картин, точнее, оно отправляло картины на экспертизу, помогало формировать коллекции, оценивать произведения искусства для коллекционеров, изготавливало каталоги галерей и буклеты для галерейщиков и прочих ценителей изящного, а также выпускало онлайн-журнал «Новинки и тенденции арт-рынка», выходивший с периодичностью раз в квартал.

Геня была довольна. Платили мне в пять раз больше, чем на старой работе. А еще через два месяца Павел стал моим любовником.

Нужно ли говорить, что до Паши у меня никого не было? О чем я ему и объявила, страшно смущаясь. Он понял и отнесся ко мне как рыцарь: все было очень нежно, неторопливо и бережно. Я чувствовала себя хрустальной вазой, которую боятся разбить. Из-за его осторожности и собственного страха я даже толком не поняла: понравилось ли мне *это*?

В таких растрепанных чувствах я и пришла домой. Геня все мгновенно поняла. Она достала бутылку старого французского вина и сказала:

– Надо выпить за этот знаменательный акт!

– Да уж!

– Не грусти. Аппетит приходит во время еды. Ты еще все это распробуешь. Но это – потом. Не забивай себе ничем голову. Просто живи и наслаждайся жизнью. Поняла?

– Постараюсь.

Вино было замечательным, и хмель быстро ударил мне в голову.

– Хочется чего-то другого, – призналась я.

– Чего?

– Ну... страсти, о которой я когда-то читала в книгах, – призналась я.

– Алых парусов не жди. Кстати, очень вредная книжка! Я бы никому не давала ее читать. Она – о пассивном ожидании. Женщина должна бороться за свое счастье! Если она встретит своего мужчину – в ход должно идти все: зубы, когти, мозги, помада и кружевные чулки.

– Геня! А ты... тоже так поступала?

– Да.

– А как же твое знаменитое правило, что женщина не должна бросаться мужчине на шею, и вообще, первой проявлять инициативу нельзя?

– А кто говорит об инициативе? – парировала Геня. – Речь идет о том, чтобы бороться за мужчину. Борьба и вешанье на шею – разные вещи. Сражаться надо тонко, очень тонко, чтобы никто ничего и не заметил.

– Геня! А в твоей жизни была любовь? Большая?

– Была. Но больше ты меня на эту тему и не пытай. Не расколюсь! И вообще, тебе уже пора спать.

Я допила вино.

– Я не хочу спать, Геня! Расскажи мне о любви...

Далеко сердце от нее,
О сердце нежное мое!
Покоя нет в разлуке с ней,
В разлуке с ней, душой моей!

Я поняла: это Верлен – любимый поэт Гени.

– Девочка моя! – неожиданно Геня очень разволновалась. – Обещай мне, что ты никогда не поедешь в Париж! Я там едва не умерла. Это страшный город!

– А мне он нравится. И я в нем, кстати, никогда не была.

– Мне он тоже нравится. Но, оказывается, там – очень, очень опасно! Для нас.

– Для кого – «нас»?

– Для тебя и для меня.

– Расскажи мне об этом, Геня! – Я подперла щеку рукой и рассмеялась: – Обожаю фамильные тайны и загадки! Что там случилось такое, что нам с тобой теперь нельзя ездить в Париж? Что-то страшное и загадочное?

– Нет, – отрезала Геня. – Ты еще мала, чтобы знать это.

И тут я рассердилась по-настоящему:

– Ты обращаешься со мной, как с ребенком! Но я не ребенок. Я уже взрослая женщина и имею право знать то, что ты хочешь скрыть. Я бы спросила у отца. Но он слишком далеко. И вообще, как ты знаешь, особой близостью наши отношения не отличаются.

– Он мало что знает. И поэтому ничего сказать и не может. Я люблю тебя, девочка. – Геня перешла на польский, который я почти не понимала. Когда она очень сильно волновалась, всегда переходила на польский. – Очень люблю и поэтому хочу предостеречь.

– От чего?

– Как-нибудь расскажу.

– Как хочешь.

– Подойди ко мне! – неожиданно попросила Геня.

Я подошла.

– Наклонись.

Когда я наклонилась, Геня по-русски расцеловала меня в щеки – три раза, крест-накрест.

– Будь хорошей девочкой и, что бы ни случилось, помни: Бог на нашей стороне! Ты – последняя представительница древнего польско-литовского рода, который берет свое начало от самих Ягеллонов – династии знаменитых польских королей, впоследствии правивших всей Европой – в Венгрии, Чехии... – Геня прижалась лбом к моей груди. – Если бы я могла тебя уберечь от всего!.. Мою маленькую Кристину...

– Геня! Ты говоришь сплошными загадками. У меня голова идет кругом! Сегодня у меня было свидание с Павлом. И ты мне еще подкидываешь информацию, а что и как – пояснить не хочешь.

– Я виновата! – склонила голову Геня. – Я не должна была именно сегодня... Прости.

– Ладно. Я пойду спать. А ты...

– Я помолюсь.

Геня была яркой католичкой, в углу ее комнаты висело изображение Богоматери – древняя икона XV века, вывезенная, по словам Гени, из Италии.

Я легла спать, но слова Гени не шли у меня из головы. Даже впечатления от встречи с Пашей померкли по сравнению с этим клубком семейных тайн. Вряд ли кто-то знает о них досконально. Жила Геня очень замкнуто. У нее была одна-единственная подруга – Калерия Ивановна, бывшая гримерша МХАТа, полька по матери, блондинка с тонкими губами-ниточками, всегда ярко покрашенными, и старый поклонник с десятилетним стажем, полковник артиллерии, Косицкий Валентин Петрович, который очень трогательно ухаживал за Геней. В праздники он непременно ей дарил белые розы или лилии, и еще – бутылки дорогого коньяка. Геня называла его «мой полковник» и благосклонно принимала его ухаживания. Овдовевший полковник вот уже почти десять лет безуспешно склонял Геню выйти за него замуж. Но она неизменно отказывала, с присказкой: «Как же я оставлю мою девочку?» Но, по-моему, Геня просто совершенно не стремилась к замужеству, поэтому и отказывала ему. Я в данном случае являлась лишь благовидным предлогом для отказа.

Постепенно все вошло в накатанную колею. Правда, Паша свое слово сдержал не полностью и заставил меня заниматься русским искусством. А не моим западноевропейским. На русских художников на внутреннем рынке большой спрос, говаривал он неоднократно, и мы должны откликаться на потребности заказчиков. Айвазовский, Шишкин, Репин и иже с ними рулят, и мы не можем игнорировать сей факт.

Я переквалифицировалась и теперь занималась исключительно классическим русским искусством.

Сам Паша был энергичен и вездесущ. С одной стороны, он являлся человеком мягким, тактичным и понимающим. Но с другой – мог повести себя жестко и авторитарно, особенно если речь шла о деле или об офисных проблемах. Он терпеть не мог, когда нарушалась субординация или кто-то из нас лез не в свое дело. Одним из важных направлений нашей работы была экспертиза каких-либо коллекций или картин на предмет их подлинности. Мы составляли предварительную экспертизу – «на глазок» – по документам и каталогам, проверяли происхождение картин и обстоятельства их появления в коллекции – через кого они были куплены, на каких аукционах приобретены? Паша обладал большими связями и умело ими пользовался, чтобы получить выгодный заказ. Он общался с самыми разными людьми и с профессионалами высокого класса. При этом терпеть не мог, когда кто-то из нас случайно выходил за рамки. Однажды я залезла в Пашин комп – он отошел в туалет, а его компьютер как-то подозрительно пискнул... Я подошла к нему и нажала на клавиши... Он завис, и я попыталась привести технику в порядок до возвращения начальника. Паша пришел и заорал на меня, велел, чтобы я никогда, ни при каких обстоятельствах не притрагивалась к его рабочему инструменту.

Я обиделась на шефа; позже он ко мне подошел и аккуратненько подлизался, отпустил какую-то шутку... Но тот урок я хорошо запомнила, так что никуда больше не лезла и вообще к рабочему столу начальника не подходила...

– Представляешь, он наорал на меня! – с обидой сказала я Светлане. – Я пыталась его комп оживить, а он наорал! И какие уж там тайны мадридского двора я узнала? Картотека студентов из Суриковского художественного училища и из Строгановки, список галерей в Чикаго да адрес часовой мастерской на улице Маши Порываевой – вот и все секреты...

– На место ставит нас дорогой наш начальник, – философски отозвалась Света Чиж. – Показывает: кто есть кто в нашей конторе. Не обижайся, он это не со зла. Надо же ему самому себе иногда напоминать, что он – шеф. Понимаешь?

– Понимаю...

Дни текли один за другим, похожие друг на друга. Постепенно я приобрела некоторый авторитет в среде любителей и ценителей искусства, но на всяких тусовках светиться не

любила. Этим с успехом занималась Светлана – любительница потусить и подцепить кавалера из среды любителей искусства. Втайне Светлана мечтала выйти замуж за олигарха, при этом она отчаянно сквернословила и курила практически без остановок. Выглядела Светка под стать стилю современного искусства – броско, эпатажно и непонятно. Носила она красочные балахоны в стиле Жанны Агузаровой, была крашеной блондинкой, стриженной под ежик, а губы подводила либо ядовито-красной, либо темной, почти черной помадой. Своего шефа Светлана откровенно жалела, считая, что он несчастлив в браке.

Этой темы мы с Пашей намеренно не касались. Словно ее и не было. Наши отношения застыли, как муха в янтаре, и не двигались с места – вот уже на протяжении трех лет.

Мы встречались с ним один раз в неделю, на квартире одного Пашиного друга, художника, который предусмотрительно уходил на это время из своей мастерской. Там и протекали наши свидания. До этого мы посещали какое-нибудь кафе, мило беседовали ни о чем и затем шли в мастерскую. И по нашим свиданиям можно было сверять часы. Час – в кафе, полчаса – путь до мастерской и полтора часа – сама любовь-морковь. Потом Паша шел в душ, а я поспешно ликвидировала следы нашего пребывания в мастерской. Художник был натурой артистической и часто оставлял для нас постельное белье немыслимой красоты: то в тонких кружевных розочках, то с ярким абстрактным рисунком, то со строгим геометрическим узором.

– Твой приятель – большой оригинал, – сказала я как-то Паше.

– Мирон? О да! – скривил он губы. – Оригинал и очень милый человек.

– У него есть семья или подруга?

– У него есть любовник. Мирон – гей.

– А... – протянула я.

Паша собирался щелкнуть меня шутливо по носу, но я смерила его ледяным взглядом, и его рука застыла в воздухе. Все-таки древний род и королевская кровь – неплохая шутка, особенно когда нужно поставить мужчину на место.

Геня как-то спросила меня: люблю ли я Пашу? Я надолго задумалась, и она рассмеялась и сказала, что ответа уже не требуется. Я сказала, что привыкла к Паше, но он женат и разводиться не собирается. А я не собираюсь выходить за него замуж. Геня все поняла и больше таких вопросов не задавала.

А я с некоторых пор стала ловить себя на мысли, что мне с Пашей ужасно скучно. Я бы даже хотела порвать с ним, но не представляла, как он к этому отнесется, да и вообще мы вроде бы не ссорились, наши отношения почти идеальны – отношения любовников-интеллектуалов, которые обходятся без разборок, мордобоя и бесконечного выяснения нюансов этих самых отношений. Он меня не поймет.

Я даже подумывала сказать ему, что встретила другого, но почему-то все откладывала решающее объяснение на потом.

Однако в тот вечер моим планам насчет свидания с Пашей не суждено было сбыться. Мне позвонила Геня, чего раньше никогда не случалось, и сказала, что к нам залезли воры.

– И что они взяли? – спросила я.

– Ничего. Но они залезли и... – Геня замолчала.

– Что-то случилось? – подала голос Чиж. Она сидела в своем углу и договаривалась по телефону с каким-то нудным арт-критиком о публикации его материала в журнале «Обозрение».

– Да. К нам влезли воры, – ответила я Свете.

– Да ну! Решетки на окнах у вас есть?

– Нет. Но мы живем на третьем этаже.

– Они чаще всего залезают через окна. Циркачи, вот хрен! А что взяли?

– Пока не знаю. Я съезжу к бабушке. Успокою ее.

– Поезжай!

– А как же мероприятие в галерее «Рост-Кант»? Паша на меня надеется. Там будут влиятельные люди, с которыми мы должны установить контакт, как выразился наш босс.

– Поезжай! Отдуюсь я за тебя и с влиятельными этими типами побеседую... не переживай! – И Чиж махнула рукой. – А ты бабулю свою успокой. Простите, – вернулась она к телефонному разговору, – у нас тут ЧП...

Невольно я передернула плечами. Никогда я, даже про себя, не называла Геню «бабулей» – она бы не позволила.

Геню я застала около дома; она сидела на лавочке в окружении других жильцов нашего дома. Среди них выделялся бездельник Ростислав Качанов – бывший работник обкома. Ему было почти семьдесят, но выглядел он лет на десять моложе; любил обо всем на свете высказать свое личное мнение и дать другим совет, когда его об этом вовсе не просили.

Увидев меня, Геня встала со скамейки. И я вдруг увидела, как она разом словно бы осунулась и постарела, будто за то время, что мы не виделись с ней, набежало не семь часов, а по крайней мере целое десятилетие.

Твердыми шагами Геня направилась ко мне.

– Как все это случилось? – воскликнула я, придерживая ее за локоть.

– Можешь меня не держать, – отрезала Геня. – Я еще не старая развалина.

Никогда еще я не видела Геню в таком сильном раздражении. Я думала, что застану ее плачущей и без конца перебирающей детали случившегося. Но ее глаза были сухи, а губы плотно сжаты.

– Пойдем подальше отсюда. Хотя бы на время, – попросила она. – Там стоял новый замок, но вору это не помешало легко открыть дверь, словно у нас был не лучший английский замок, а простая цепочка, которую можно перекусить плоскогубцами.

– В котором часу это произошло?

– Наверное, в два. Когда я уехала к Калерии. Но я не хочу об этом говорить. Совершенно.

Стоял конец сентября. Дул сильный ветер; он поднимал с земли влажные отсыревшие листья, подбрасывал их в воздухе и яростно расшвыривал по дорожкам сквера, как будто подметал гигантской метлой. Геня была в легком светлом плащике, и я проявила вполне понятное беспокойство, что ей станет холодно и она заболеет.

– Геня! Может, лучше вернуться домой? – робко спросила я.

– Нет. Я не могу сейчас там находиться. Там – чужой дух. Понимаешь? – закончила она шепотом. – Пусть хоть немножко все выветрится.

– На работе мне сказали, что это – гастролеры.

– Не знаю, что там говорили, на твоей работе... – И Геня замолчала.

Какое-то холодное, неприятное чувство вползло в мое сердце.

Мы шли по скверу, и ветер дул нам в спину.

– Геня! Ты знаешь, кто это? – тихо спросила я.

– Конечно, нет, – воскликнула она с поспешной горячностью, слишком поспешной, чтобы это было стопроцентной правдой. – О чем ты говоришь! – прибавила она.

– Бедная девочка, как же ты останешься одна, – пробормотала она по-польски. – Если что...

Этот язык я практически не знала, но в этот момент неким странным, непостижимым образом все поняла и без Гениного перевода.

– Геня! – Я остановилась и взяла ее за руки. Они мне показались руками десятилетнего ребенка – такие тонкие, детские были у нее ручки. – Ничего страшного не случилось. Да – к нам залезли воры. Да – это неприятно. Но мы с тобой живы-здоровы, и это – самое главное. Гораздо хуже все обернулось бы, если бы вор влез в квартиру в тот момент, когда кто-то из нас находился бы дома. Он бы до смерти напугал тебя.

– Да, – певучим голосом протянула Геня. Когда она сильно волновалась, невольно начинала говорить с сильным польским акцентом. – Я очень беспокоилась за тебя.

– За меня? – удивилась я. – Но я была на работе.

– Я не знала, как ты к этому отнесешься, – неожиданно сказала она.

– Никак, Геня. Будем жить дальше, вот и все.

– Вышла бы ты поскорее замуж, и я была бы за тебя спокойна, – вздохнула Геня.

– Раньше ты скрывала от меня свои matrimониальные планы, – рассмеялась я.

– Раньше... теперь никогда не будет так, как раньше, – перешла она на польский. Фраза была длинной, но ее основной смысл я поняла.

А через два дня Геня умерла. Случайно упала в квартире и ударилась виском о край массивного стола из красного дерева... Я была в то время на работе. Пришла домой, увидела лежащую на полу Геню и сразу вызвала «Скорую». Приехавшая бригада констатировала смерть; мне задавали вопросы: не кружилась ли у Генриэтты Карловны в последнее время голова и как вообще она себя чувствовала? Я сказала, что все было нормально... как всегда... При чужих людях я еще держалась, а когда они ушли – заплакала, зажимая рот рукой. Геня никогда не одобряла бурных проявлений чувств, она говорила, что только быдло все выставляет напоказ и ничуть не стесняется этого. Гени больше не было, но я стыдилась громко рыдать или кричать во весь голос, словно Геня могла услышать мои вопли и сделать мне замечание.

Я вышла из квартиры, опустошенная, наткнулась на Качанова.

– Ты что реवेशь? – обратился он ко мне, переминаясь с ноги на ногу. Его руки оттягивали две авоськи с картошкой. – Вот. Купил побольше, говорят, она скоро подорожает.

– Геня умерла.

– Генриэтта! – вытаращил он глаза. – Когда?! Она же сегодня сантехника вызывала!

– Какого сантехника? – не поняла я.

– Он из ее квартиры выходил. Такой, в синей робе, с инструментами. Кран, наверное, протек. У нас такой уж дом – хоть экскурсии сюда води, а ремонт плановый не делают. Все краны проржавели...

– Она мне об этом не говорила.

– А что тут говорить? Труба лопнула, она и вызвала мастера.

– С трубами вроде все у нас в порядке.

– Ну, не знаю, – недовольно протянул Качанов и наконец спохватился: – Мои соболезнования...

Похоронили мы ее тихо, на кладбище нас было всего трое. Калерия Ивановна, полковник Косицкий и я. Ни отец, ни моя мать не появились; им обоим я отправила телеграммы, но никакого ответа пока что не получила. Полковник не мог сдерживать слез, он плакал, и мелкий морозящий дождик как бы вторил его слезам. Он купил три букета белых лилий и усыпал цветами гроб: это было романтично и красиво. Гене это понравилось бы, невольно подумала я. Калерия как бы слышала мои мысли.

– Генриэтта, наверное, была бы довольна, – шепнула она мне.

Я кивнула, меня душили слезы, но плакать я не могла: слезы застревали где-то в самом центре груди и словно давили изнутри, мешая мне дышать. Резкие спазмы простреливали грудь, и от этой боли я морщилась.

– Потом заедем ко мне, – тихо сказала Калерия. – Генриэтта кое-что оставила мне – для тебя.

Когда тяжелые комья земли полетели на гроб и двое рабочих энергично заработали лопатами, я невольно отвернулась. Под мелким морозящим октябрьским дождиком мы ушли с кладбища. Я шла и думала: как это странно и непонятно, что мою утонченную, элегантную Геню зарывают: она землю не любила и никогда не копалась в ней. А теперь она лежит там, в могиле, и я уже никогда больше не увижу ее у нас дома.

Я всхлипнула. Полковник стиснул руки и остановился, опустив голову. Мне показалось, что он, заядлый атеист, молится.

– Ну что, пойдете, – негромко позвала я, и мы двинулись дальше.

За оградой мы разделились. Косицкий поехал к себе, а мы с Калерией – к ней, в Бибирево. Десять лет тому назад Калерия разменяла четырехкомнатную квартиру на Ордынке. Дочери досталась хорошая «трешка» на Соколе, а Калерия поехала в Бибирево, проклиная эту «новостройку» и «окраинный район».

Калерия поставила чай и прошла в комнату. Кухня была чистенькой, мебель – старой. Громко тикали часы-ходики, висевшие на стене, а на подоконнике сидел и шурился толстый кот Барсик – нежно-персикового цвета, подобной окраски я раньше никогда у котов не видела.

Калерия вышла из комнаты со шкатулкой в руках, обитой темно-красной кожей.

– Вот. Это Генриэтта просила передать тебе после ее смерти.

– Когда? – Я посмотрела на шкатулку; брать в руки мне ее не хотелось, как будто этим я окончательно признала бы, что Геня мертва.

– Месяц тому назад.

– Но почему...

– Геня просила меня, чтобы ты задавала поменьше вопросов, просто взяла бы эту шкатулку, и все.

Я взяла ее в руки и открыла: там лежало ожерелье из крупного жемчуга, и еще листок бумаги, сложенный вчетверо. Это были стихи Верлена, любимого поэта Гени. «Душе какие муки, муки! Быть с нею, с нею быть в разлуке! Покоя нет в разлуке с ней, в разлуке с ней, душой моей...»

Я сложила снова листок и закрыла шкатулку.

– Спасибо.

– Не за что. А теперь давай выпьем за покойницу водочки и попьем чаю. – И вот еще... – Калерия протянула мне сберкнижку. – На ней лежит двести тысяч рублей. Это тебе Генриэтта Карловна завещала.

– Откуда у бабушки такие деньги?! – вырвалось у меня.

– Не знаю, – пожалала плечами Калерия. – Она мне не рассказывала. Скрытной была, секреты хранить умела.

– Калерия Ивановна! Но что-то вы же о ней знаете! Я не успела расспросить ее хорошенько. Я не думала, что... – В горле моем встал комок.

Калерия помолчала.

– Генриэтта была мастерицей хранить тайны. Я пыталась задавать ей вопросы, но она умело обходила их. Исходя из ее слов, обрывков и намеков я могу лишь сказать, что она рано разошлась с мужем и долгое время жила одна. В тридцать лет она закрутила роман с одним венгром, это была страстная любовь. Она порывалась переехать к нему. Но тогда были такие времена... – Калерия горько усмехнулась. – Не то что сейчас... Вы можете свободно перемещаться по всему миру и даже не задумываетесь, что когда-то все было по-другому! Нервы этим двум влюбленным голубкам потрепали основательно. Но в конце концов Генриэтте удалось вырваться. Они поженились, и она переехала в Венгрию. В Москве остался ее десятилетний сын вместе с бабушкой. Мальчика Генриэтта не захотела отрывать от школы, друзей. Впереди – полная неизвестность. Она осела в Венгрии, и там тихо и постепенно их великая любовь сошла на нет. Но три года они все-таки вместе прожили... Возвращаться в Россию Генриэтта категорически не хотела. Ей удалось после развода выйти замуж за австрийца и переехать в Австрию. Это уже была Европа – не в пример социалистической Венгрии. Другая жизнь, другие возможности... – Калерия задумчиво повертела в руках пустую чашку. – Больше Генриэтта мне ни о чем не рассказывала. Я только знаю, что она какое-то время жила в Париже. Она как-то обмол-

вилась об этом. Но когда я приступила к ней с расспросами – и как отрезало: она замолчала. Почему-то именно об этом периоде своей жизни она совершенно не хотела говорить.

Я вспомнила, что Генриэтта сказала мне, что в Париже «для нас опасно», и вообще она обходила молчанием Париж, хотя учила меня французскому языку. Наверное, этот город прежде был ей чем-то дорог; когда-то она рассказывала мне о нем, а потом – прекратила. Наверное, подумала, что я взрослею и начну задавать неудобные вопросы.

– А что было потом? – тихо спросила я.

– Потом? – Калерия дернула головой, словно стряхивая оцепенение, и посмотрела на меня. – Я только знаю, что она вернулась в Россию вместе с тобой. Вернее, ты приехала сюда с родителями, которые быстренько развелись-разбежались в разные стороны, и Генриэтта взяла тебя к себе. Она приехала в Россию вместе с твоими родителями.

– Она до этого жила в Чехии?

– Не знаю. Ты видела ее, когда была маленькой?

– Да, – кивнула я, – она приезжала в Чехию несколько раз. Почему я только не догадалась ее обо всем хорошенько расспросить? Никто ведь не думал, что...

– Конечно, – как-то нарочито спокойно сказала Калерия. – Об этом вообще никто никогда не думает. Это точно. Мы с ней познакомились, когда тебе было шесть лет, в театре. Квартира на Кропоткинской – ваша семейная. Здесь жили твоя прабабушка с твоим будущим отцом, когда Генриэтта, его мать, уехала.

Твоего отца – своего сына – она никогда не выпускала из виду; он получил блестящее образование в Институте иностранных языков – это был еще тот вуз! – одни блатные мальчишки там учились. Но Генриэтта все устроила. Через дипломатические каналы и своего австрияка; он был как-то с этим связан. На последнем курсе института отец женился на твоей матери. А после окончания института его направили на работу в Чехословакию. Очевидно, тоже не без Гениных связей. Там и родилась ты...

Калерия налила еще немного водки в маленькую стопку и залпом выпила.

– Это все, что я знаю, – выдохнула она. – Больше, как ни пытай, я ничего сказать не могу.

Домой я возвращалась изрядно подавленная. Я была сбита с толку и немного сердита на Геню, как бы это кошунственно ни звучало: мне казалось, что она поступила некрасиво, бросив меня, оставив совсем одну.

На другой день я пришла на работу, надев Генино ожерелье. Света Чиж присвистнула, увидев меня:

– Крыся! Где ты такую красоту отхватила? Признавайся!

– От бабушки досталось. Красивое, да?

– Отпад! Ты хоть знаешь, сколько оно стоит?

– Без понятия.

– Кучу бабок! Кажется, оно старинное... Давай к одному ювелиру сходим: он его оценит. Только сегодня я пешая, мой «Лексусик» в мелком ремонте.

– Уговорила.

В конце дня Светка вышла позвонить кому-то. Мы с ней были в комнате вдвоем. Я встала и решила подойти к окну – сделать маленькую паузу, от неподвижного сидения у меня заныла шея. Проходя мимо Светкиного стола, на котором царил вечный беспорядок, я случайно задела папку с бумагами, они разлетелись веером, и я кинулась их поднимать. Подобрав бумаги, я положила папку на стол перед компьютером и, не удержавшись, взглянула на экран. Иногда в отсутствие начальника и при наличии свободного времени Чиж лазила по разным сайтам – от скандально-информационных до порнографических. На сей раз на экране красовалась раскрытая папка «Свет и фактура» с отчетом о нашем последнем заказе на покупку картин для одного начинающего коллекционера.

– Ты что это у моего стола торчишь? – обрушилась на меня вернувшаяся Чиж.

- Папку свалила, пришлось по полу лазить – собирать все бумажки.
- Аккуратнее надо быть, – пробурчала Чиж. – Ходишь, как медведь в посудной лавке!
- Проверяла, не балуешься ли ты порнушкой, – поддела я ее.
- Ты, Крыся, шути, но не зашучивайся, – отрезала коллега, – не то мы с тобой поцапаемся капитально!

Закончив работу, мы поехали к Светкиному знакомому, который оказался – по совместительству – ее двоюродным дядей. Худенький, щупленький, усатый мужичок долго кряхтел, улыбался и многозначительно сопел, причмокивая губами.

– Изумительная работа! – наконец выдохнул он, внимательно рассмотрев ожерелье под сильной лупой. – Изумительная! – При этом слово «изумительная» прозвучало у него «изьюмительная». – Ваше?

– Мое, – подтвердила я. Ювелирная мастерская находилась в центре, недалеко от Патриарших прудов.

– Семнадцатый век. Работа... Вам это о чем-то говорит?

– Нет.

Сергей Викторович тяжело вздохнул:

– Тогда работа была, как искусство. Настоящие мастера... Виртуозы...

Когда мы ехали обратно, Чиж все время вертела головой.

– Ух ты! Семнадцатый век! Можешь его смело на все презентации и тусовки надевать. Даже жены олигархов позеленеют от зависти.

– У жен олигархов и не такие украшения есть. Гораздо круче.

– У тебя не хуже. Старинная работа!

У Светки зазвонил сотовый, когда мы вышли из автобуса, и она отошла от меня, завернув за угол палатки.

Я потопталась на месте и наконец двинулась к ней.

– Да... конечно... я все посмотрю и скину вам. Хорошо... договорились... – тон у Светки был заискивающим и просительным.

Увидев меня, она нахмурилась и быстро убрала сотовый в сумку.

Постепенно я привыкала к тому, что я теперь – одна. Мне больше никто не варил овсянку и не потчевал меня творогом; по вечерам никто не зажигал свечи и не расспрашивал о том, как я провела день. Я привыкла к тому, что обо всех мелочах и деталях минувшего дня я рассказывала Гене, и тем самым они как бы проживались вторично. Теперь рассказывать об этом стало некому, и я погрузилась в вынужденное молчание. Паша в первое время пытался тормошить меня:

– Кристина! Не молчи и не погружайся в себя. Вот когда я похоронил мать... – Далее следовал подробный инструктаж, как именно следует себя вести в случае «утраты близкого человека».

– Да-да, – я не отрывала взгляд от компьютера, выполняя свою работу чисто механически.

– Ты меня слышишь? – повысил голос Паша.

– Да-да, я неглухая, – огрызнулась я.

Дизайнер-компьютерщик Женя вытянул шею от любопытства – раньше таких разборок между мной и Павлом не случалось.

– Ладно, замнем, – сказал Паша. – Не будем кипятиться.

Геня знала обо мне все. А я о ней – ничего. Я жалела о том, что не проявила настойчивости и не расспросила ее о детстве и юности. Отец прислал телеграмму, что не сможет приехать. Какие-то срочные дела в Шанхае, он очень сожалеет, но – никак. Мать прислала письмо через полтора месяца после похорон, в котором выразила надежду, что, когда сможет, обязательно вырвется и приедет на могилку. Чем она так занята, мать не уточнила. В постскрипуме она

почему-то спрашивала о наследстве и просила, если у меня есть деньги, выслать ей следующую сумму срочным переводом – она сейчас бедствует и очень нуждается в деньгах.

Я порвала письмо и выкинула клочки в мусорное ведро. Я была уверена – Геня поступила бы точно так же.

Прошло уже больше четырех месяцев... Боль от утраты не проходила, она только стала чуть тише и привычнее, как будто навсегда прописалась в моей душе. Однажды, ближе к вечеру, Паша вошел в нашу комнату – он куда-то отъезжал по делам – и с озабоченным видом сказал:

– Срочное задание!

– Какое? – спросила Чиж, отрываясь от каталога английской галереи Тейт.

– От Колпачевского. Знаете такого?

Чиж присвистнула.

– Не свисти, – добродушно осадил ее Паша. – А то денег не будет.

– У нас их и так немного.

Пашины брови сдвинулись. Как всякий нормальный руководитель, он не любил разговоры о деньгах и считал, что платит своим сотрудникам вполне приличные суммы. Я не жаловалась. Мои потребности всегда были довольно скромными, а после смерти Гени мне вообще было ни до чего. Иное дело – Света Чиж. Ее «Лексус», курорты, на которых она любила отдыхать, съемная квартира – она жила отдельно от родителей – все это требовало серьезных финансовых вливаний, и порою Светка ворчала, что нам недоплачивают. В ответ на такие заходы я обычно помалкивала, а она расценивала мое молчание как пассивную, но явную поддержку ее притязаний.

– И что там с Колпачевским? – спросила Светка уже более миролюбивым тоном. Сегодня ее очки в массивной черепаховой оправе сверкали как-то особенно внушительно, а губы лоснились от розового блеска.

– У него есть коллекция картин. – Павел сел в офисное кресло и крутанул его.

– Это мы знаем, – изрекла Чиж. – И про его любовниц знаем, и про драгоценности, и про развод с предыдущей женой. В курсе.

– Вот уж не знал, что ты желтую прессу читаешь, – поддел ее Паша.

– У нас вся жизнь – желтая. Потому я ее и читаю.

– Ближе к делу. Основная часть его коллекции хранится в его замке, в Антибах.

– Вау! – завопила Светка. – Я знаю этот замок: о нем столько писали! Купил его, дескать, русский олигарх, чтобы там развлекаться. И теперь пугает добропорядочных французов своими фейерверками и гостями. Шампанским длинноногих моделек поливает!

– Это хорошо, что ты в курсе. Он обратился к нам, чтобы мы его коллекцию проверили. Он, видимо, собирается выставить какие-то картины на предстоящем аукционе Кристи или Сотбис. Поэтому и страшется.

– Он что, липу купил? – задала Чиж резонный вопрос.

– Липу – вряд ли. Люди его уровня липу не покупают. Но лишняя страховка не повредит. Он обратился к нам, чтобы мы еще раз проинспектировали его коллекцию. – Паша сильно нажал карандашом на бумагу, и остро отточенный грифель сломался.

– Начальник! Веди себя прилично и не ломай нам карандаши.

– А ты что скажешь? – Офисное кресло поехало вправо и оказалось напротив меня.

– Я... ничего не скажу.

Гениальный дизайнер-компьютерщик Женя громко фыркнул, и этот неприятный звук отдался гулким эхом в углах комнаты.

– Хорошие работнички у меня. – Паша уже отъехал от моего рабочего места и говорил, обращаясь к стене: – Одна желтую прессу читает, другая ни о чем не думает!

– Не утрируй! – протрубила Чиж. – И что там с Колпачевским?

– Я уже все сказал. – Кресло снова поехало вбок. Теперь оно оказалось аккурат напротив окна. Паша смотрел на улицу с явным интересом, словно там происходило нечто чрезвычайно захватывающее. Вроде уличного представления.

– Колпачевский просит нас проинспектировать его коллекцию. Я поехать не могу. У меня семейные проблемы, – скороговоркой произнес Паша. – Теща из Волгограда приезжает.

При этих слова Чиж бросила на меня торжествующий взгляд, заявлявший: «Ага! Что я говорила! Он – несчастный подкаблучник». Я ответила ей едва уловимым пожатием плеч. Женя Рассказов в нашей пантомиме вообще не участвовал: он по-прежнему не отрывался от экрана компьютера.

– Поедешь ты, – закончил Паша. И как долгая точка в финале – кресло медленно-медленно заскользило по полу, и мы со Светкой замерли: она – от предвкушения, я – от страха.

Как в казино, раскрутившись, кресло, словно стрелка рулетки, остановилось напротив невыигрышной цифры – то есть меня.

Липкий холодок заполз под мой теплый свитер.

– А почему я? – пискнула я, отчаянно борясь с внезапным приступом страха и нерешительности.

– Я сказал, и точка. Начальник я, в конце концов, или нет?

Странный звук, донесшийся из угла, где сидел Женя Рассказов, сильно смахивал на повторное фырканье, но я была склонна подумать, что Женя просто высморкался.

– А почему не я? – вопрос Светы Чиж прозвучал почти в унисон с моим.

– Ты же ни черта не понимаешь в классическом искусстве! – возвысил голос Паша. – Только в современном и чешешь. Кристина – спец, она и поедет. У тебя есть возражения? Кстати, ты не едешь напрямик в Антибы; ты летишь сначала в Париж и остаешься там на два дня. А оттуда уже перебираешься в Антибы. Я уже попросил одну свою знакомую забронировать тебе билет прямо до Ниццы, но она предложила только этот вариант. Билетов в Ниццу, как говорится, нема. Спасибо, что вообще есть какие-то билеты, да еще и в таком авральном порядке. Если бы мы заказали все заранее и так далее... Так что придется тебе пару дней перекаптоваться в Париже. Возражения есть?

Возражения у меня были. Я никогда раньше не летала самолетами, они внушали мне панический ужас, и – как-то некстати – я вспомнила о том, что обещала Гене никогда не ездить в Париж, потому что там «для нас опасно», и уже напоследок – я пребывала в такой затяжной депрессии-спячке, что ехать вообще никуда не хотела. Ну почему так случается, подумала я, кто хочет, тот не получает желаемого, а кому это достается, – так ему и даром не надо или же ничуть не хочется. Но злить Пашу – неразумно, он может рассвирепеть и вообще меня уволить.

– Хорошо, – подавив тяжкий вздох, сказала я, – еду!

– Главное, чтобы Баранов не узнал.

Вадим Баранов был из конкурирующей фирмы. Это был вальяжный искусствовед с томным взглядом с поволокой, которым он убивал напрочь всех женщин. Они шли за ним, как за дудочкой крысолова. За Вадимом Барановым прочно установилась репутация бабника и плейбоя, мужчины-которому-никто-не-мог-отказать. Ни жены олигархов, ни известные художницы, ни избалованные дочери крупных госчиновников. С Барановым Паша постоянно пересекался по работе, считал его «гребаным педерастом» – совершенно незаслуженно – и «продажной сукой», что, возможно, и являлось отчасти правдой.

– Баранов тоже получил этот заказ?

– Пролетел мимо! Он сейчас кусает локти, я думаю. Не все должно обламываться этому педерасту! Короче, я тебе скоро скину файл по Колпачевскому, ознакомься. А пока можешь пошарить по инету или залезть к нам в справку. Сейчас заполнишь документы на визу, я скину

ее знакомой девочке, она все быстро сделает за день-два. Загранпаспорт, как я помню, у тебя есть.

– Есть. Он у вас в сейфе хранится.

– Точно. Как же я забыл!

Как только я пришла на работу к Паше, он заставил меня выправить загранпаспорт в обязательном порядке, хотя я, помня наставления Гени не ездить за границу, сказала Паше, что не могу оставлять бабушку одну. Он, помнится, скривив губы, буркнул тогда: «Все равно, сделай на всякий случай».

Я заполнила документы на шенгенскую визу и отдала их Паше. Он взял мой паспорт, документы, все сложил в портфель и, пожелав всем нам приятного вечера, ушел.

За шефом потянулся и Рассказов. Он что-то начал было объяснять: куда, мол, ему надо заехать, но Чиж махнула рукой:

– Иди! Я твои материалы в онлайн-журнале завтра посмотрю. Идет?

– Идет. – Рассказов накинуд на плечи стильный кожаный рюкзачок и закрыл за собой тугую дверь.

– Значит, ты едешь в Париж и Антибы... – расстроенно протянула Чиж.

– Начальник дал задание.

– Пацан сказал – пацан ответил! Это мы уже знаем. Повезло-то тебе как! И что это он Баранова педерастом каждый раз обзывает? Я бы от такого «пидора» не отказалась! Вот ты бы отказалась от Баранова, точно. – Мысли Светы Чиж часто скакали, как ошалевшие голуби весной.

– Отказалась бы, – кивнула я.

Она налегла грудью на стол:

– Крыся! Ты – дура! Разве можно отказываться от Баранова?! Когда он на меня смотрит, у меня все внутри просто закипает. Представляешь? А ведь я – женщина с запросами! И удовлетворить их не так-то легко.

– Наверное, он просто не в моем вкусе.

– Крыся! А при чем тут вкус? Мужик – что надо! Красивый, умный! Ты же с ним общалась!

– Да, несколько раз.

– И ничего у тебя в душе не екнуло?

– Нет.

– Крыся! Ты – феномен! Со знаком минус.

– Просто я спец в классическом искусстве. А ты – в современном. Ты же слышала Пашины слова.

– Ах боже мой! Зачем мне его слова? Мне Париж нужен! И Антибы! И еще – Баранов! Мне он даже ни разу переспать не предлагал.

– Еще предложит.

– Ты думаешь? – обрадовалась Светка. – Хорошо бы... Так хочется в Антибы! А там будешь ты! Где же справедливость?.. Давай хоть кофейку попьем с горя. Раз ты едешь, а я – остаюсь. – Чиж встала со стула и включила электрический чайник.

– Я кофе не буду. Я потом не усну.

– Ты и так не уснешь. От счастья. Ты едешь в Антибы – только подумать! К олигарху! Тебе даже Баранов не нужен.

– Я такого не говорила.

– Ага! – завопила Чиж. – Стало быть, все-таки нужен! Я всегда знала: ты не такая скромница, какой выглядишь со стороны.

– Я сказала в том смысле, что я вообще не думаю о Баранове. Я имела в виду именно это, – возразила я.

Какое-то время мы молчали; Чиж поставила передо мной чашку кофе с молоком, как я любила.

– Пей, Крыся! Пей.

Себе она налила крепкий кофе, черный, без сахара.

– А какая вилла у Колпачевского в Антибах – закачаешься! Вечеринки там всякие проходят. Паша когда-то пересекался с Колпачевским, был знаком с ним, видимо, поэтому тот и вспомнил о нас. Кстати, мы уже имели дело с коллекцией Колпачевского.

Светка отпила глоток кофе.

– Эти сведения ты из желтой прессы почерпнула?

– Откуда же еще я могу знать подробности о жизни наших новых русских? Конечно, из прессы! Иногда еще на тусовках, где я бываю, до меня долетают обрывки разговоров о вечеринках на Лазурном Берегу. Живут же аристократы! Вот посмотри, например. – Света пролистала какой-то журнал, лежавший на ее столе, нашла нужную страницу и подошла ко мне с торжественным видом. – Гляди. Вот – лошадь какая! Что в ней такого особенного-то?

Со страниц глянцевого журнала на меня смотрела молодая улыбающаяся женщина со светлыми волосами, в вечернем платье и с бриллиантовым колье на шее. Я прочитала подпись: «Клэр Бошанье – наследница миллионов. Любительница лошадей, спортивных автогонок и бриллиантов». Дальше шли снимки – красочные развороты: замок с зеленой лужайкой, Клэр у машины, Клэр в машине... Клэр верхом на лошади...

– И что? – Я подняла глаза на Свету Чиж.

– Ничего! – с грустью сказала она. – Живут же люди! А я здесь гноблюсь, в этой конторе, за копейки. Так хочется денег побольше! И чтобы они были постоянно. Выйти бы замуж за миллионера...

– Ну, ты и хватанула!

– Ничуть! – твердо сказала Чиж. – Чем я хуже этой... – кивнула она на французскую миллионершу.

– Не хуже, – дипломатично сказала я.

– Вот то-то и оно.

– А твой Колпачевский тоже хорош. Завел себе любовницу. Хочешь посмотреть, как она выглядит?

Не дожидаясь моего ответа, Чиж бросила мне другой журнал; он приземлился прямо передо мной, едва не задев мою чашку с кофе. Тоненькое юное создание с волосами-сосульками и ножками-ходульками нахально улыбалось, глядя прямо в объектив.

– Тоже, нашел себе персик! – не унималась Чиж. – «Девочка-персик»... ни мозгов, ни мыслей... Какая-то моделька!

Мы с Чиж еще посидели в комнате примерно полчаса, и я ушла домой. Чиж осталась – ей надо было сделать пару звонков. Мне кажется, она просто хотела потянуть время до очередного свидания с очередным кавалером, чтобы не проводить его на улице.

Я собралась и вышла из офиса. Свирепый февральский ветер сразу накинулся на меня, словно только и дожидался, чтобы швырнуть горсть колющих холодных иголок мне за шиворот и уколоть ими мое лицо. Я подняла капюшон черной куртки и поежилась. Перчатки я, естественно, забыла дома. Я часто забывала их, и Геня обычно ругала меня за это. Рукам было холодно, и я втиснула их в карманы. Перейдя дорогу, я направилась к своему дому – вниз по улочке. Дома были безжизненно-пустынными; свет горел лишь кое-где – бледными, тускло-желтыми пятнами.

Я вошла в подъезд. Винтовая лестница круто шла вверх. Справа располагался лифт. Без особой необходимости я им не пользовалась – третий этаж, и пешком невысоко. Почему-то на втором этаже свет не горел. Там жил наш сосед, Качанов, и Геня всегда подозревала его в том, что он выкручивает лампочки. Перила были холодными и гладкими. Я остановилась. Тревога

возникла в моей душе как-то спонтанно. Положение было дурацким: на первом этаже горел слабый свет, выше – зловеще темнел лестничный пролет. Машинально я посмотрела на часы – 22.45. Я не могла позвонить в дверь к тому же Качанову и попросить его проводить меня до квартиры. Качанов не спит, а смотрит очередной сериал, сидя перед телевизором с полотенцем на голове – он все время прикидывается больным и немощным. Он разохается, заявит, что у него болит спина или живот или все вместе взятое, и еще прочитает мне нотацию о том, что я тревожу «пожилых немощных людей». Хотя, когда надо, Качанов прекрасным образом воюет с ДЭЗом, с автомобилистами, чьи сигнализации заполошно орут по утрам или поздно ночью, с собачниками и с соседями, делающими «слишком шумный ремонт». «Наш боевой друг» – называла его Гения.

Нет, мне надо прогнать прочь эти глупые ненужные страхи и сделать всего несколько шагов вверх. Как-то некстати и не к месту вспомнилось мне выражение «вверх по лестнице, ведущей вниз». Ноги были чугунными и отказывались повиноваться. Но и идти назад – ужасно глупо. Топтаться возле лифта? Но, похоже, и на третьем этаже лампочка не горит...

Я вдруг ужасно разозлилась на саму себя. Время позднее, осталось два дня до командировки, меня ждет серьезное ответственное задание, мне завидует сама Светка Чиж, а я стою и накачиваю себя всякими страхами, просто делаю себе инъекции – одну за другой!

Стиснув зубы, я почти что играючи преодолела пролет. Еще немного, и я окажусь около своей двери... но тут сверху на меня словно свалился тяжелый мешок. От сильного удара в груди моей сперло дыхание, в глазах потемнело, и я упала, не издав ни единого звука.

Я очнулась. Темно, в горле саднит. Кашлянув, я дотронулась до него, мне почему-то казалось, что я онемела, я попыталась что-то сказать, но наружу вырвался лишь какой-то странный писк.

Я лежала на ступенях, при этом одна моя нога была поджата, другая – распрямлена, словно я хотела выполнить пируэт, но не сохранила равновесие и грохнулась, растянувшись на лестнице. Я села. Ступеньки были твердые и холодные, как им и положено.

Сильно болела голова, но больше всего болела и ныла левая рука. Я пошевелила пальцами: они двигались, при этом боль отдавала в локоть и поднималась выше, к плечу.

Я нащупала перила и встала, ухватившись за них обеими руками. Глаза не хотели привывать к темноте, и я ничего не видела. Свет внизу теперь тоже не горел, и создавалось такое впечатление, что я нахожусь в самом низу колодца, – только с верхних этажей просачивался слабый свет. Может быть, во всем доме внезапно перегорели лампочки или сразу всем жильцам отключили свет за неуплату?

Где-то должна быть сумка – моя сумка, купленная полтора года тому назад в Петровском пассаже на распродаже, черная с двумя молниями, не очень большая, по-дамски удобная и со множеством кармашков внутри... Сумки не было.

На меня напали и ограбили?..

В моей сумке не было больших денег. Так, мелочевка. Рублей триста с копейками. Еще – проездной на месяц. Пара блокнотов, там выписки из сегодняшнего отчета.

Больше всего жалко саму сумку – она такая удобная, практичная!

Мои руки шарят по лестнице – сумки нигде нет.

Внезапно я вижу, что внизу, у края ступенек, что-то чернеет – это моя сумка. Я кинулась было к ней, но поняла, что быстро двигаться не могу: все тело у меня болит и ноет. Боль тупая, неострая, и это немного успокаивает. «Руки-ноги целы, я могу шевелиться – уже счастье», – думаю я и невольно смеюсь, причем весьма истеричным смехом. Но из моего горла вырывается не смех, а натужный кашель, звук – как из зева охрипшего граммофона.

Я испуганно застываю на месте, мне кажется, что мой кашель, словно гром, разносится по всему дому и разлетается по углам гулким эхом.

Мне нужно убираться прочь из этого места, нужно бежать...

Прижимая к груди сумку, опираясь на перила, почти вися на них, я ползу вверх. Я стараюсь передвигаться как можно быстрее, но не получается. Наконец, я добираюсь до своего этажа, и тут меня пронзает внезапная мысль: а что, если грабитель взял ключи и сейчас находится в моей квартире?

И что же мне делать в этом случае?

Дом словно бы мгновенно вырастает в своих размерах. Это уже не дом, а кроличья нора. Я – Алиса, летящая вниз: ей не за что уцепиться, и падение кажется ей бесконечным.

Он напряжения у меня страшно сводит шею, и я не могу повернуть голову. Но, словно заводная кукла, упорно иду к своей двери. Страх уже нет, только дикая усталость и желание свалиться в постель. Мне уже все равно.

Я толкаю дверь своей квартиры – она заперта. Если *он* внутри?..

Проверить это очень просто: надо посмотреть, есть ли в сумке ключи? Удивительно, что эта простая мысль не пришла мне в голову раньше. Сильно же меня ударили...

Моя правая рука лихорадочно шарит в сумке. Свет все-таки есть – на верхнем, четвертом этаже. А мне почему-то казалось, что в доме совсем темно!

Моя рука исполняет в недрах сумки некий сложный танец – ныряет в нее, скользит по дну, ворошит различные предметы. Я нащупываю ключи и вытаскиваю их. Вставляю их в замок, все время прислушиваясь к чему-то. Ключи входят в замок с ужасающим скрежежом, или это в моей пострадавшей голове гулким усиленным эхом отдаются все звуки? Дверь открывается, и я вхожу – нет, я вламываюсь в собственную квартиру и застываю у стенки в темном коридоре. Быстрым движением я нащупываю выключатель, и в коридоре вспыхивает свет. Дверь в квартиру я оставляю открытой, чтобы можно было в любой момент пересечь эту пограничную линию и оказаться по ту сторону.

Я делаю глубокий вдох – отчего болит в груди и кажется, что я слышу звук гудящих мехов кузнечного горна.

В квартире стоит тишина. Я словно обрастаю тысячей дополнительных ушей и внимательно слушаю эту тишину – не раздастся ли где-то тихий скрип, шуршание занавески или чьи-то шаги? Я знаю эту квартиру, как свои пять пальцев, и, как ночной зверь, я должна четко услышать все запахи и звуки *чужака*.

После пятиминутной «звуковой» проверки я решила присесть на пуфик, стоявший в коридоре. Я цепко держала свою сумку, но теперь мои руки разжались, и она упала к моим ногам.

Зачем на меня напали?

Просто так? Решили чем-то поживиться? Ничего ценного не обнаружили и удрали?

Я проверила сумку – все на месте.

Отшвырнув ее в угол, я пошла в ванную комнату – оценить ущерб, нанесенный моему здоровью.

Одно колено было разбито и кровоточило. Меня спасло только то, что я надела под брюки теплые колготки, и ссадина оказалась небольшой. Неожиданно я вспомнила, как однажды, в шестилетнем возрасте, разбила колено и Геня обработала его перекисью водорода, а потом зеленкой. Как все это жгло и как я тоненько скулила от боли, и тогда Геня из-за невозможности облегчить мою боль крепко прижала меня к себе и тихо зашептала-запела: «У кошки заболи, у собаки заболи, а у Кристины – заживи».

А потом она наклонилась и поцеловала мою коленку чуть выше разбитого места, и ее прохладные губы и успокаивающие слова сделали боль не такой существенной, словно задвинули ее, затолкали куда-то внутрь, и я, вытерев слезы, сказала, как взрослая:

– Ладно, Геня. Мне уже небольно. Пошли обедать.

Теперь мне никто не заговорит боль, и вообще, как это ужасно остаться одной: ты словно падаешь в невообразимую пустоту, к которой еще надо привыкнуть, как-то обжиться в ней...

С левой щеки была содрана кожа. Я ударилась о ступени левой стороной туловища. Болели левая рука и щека.

Я проводила ревизию в спешке, мне хотелось спать, и я быстро осмотрела себя в зеркале. Пара синяков, в нескольких местах содрана кожа, но главное – я осталась жива.

На следующий день с утра я позвонила шефу и сказала, что неважно себя чувствую: сильно болит рука, я упала перед своим подъездом, поэтому не могу прийти на работу, отлеживаюсь дома. Паша сказал, что он все понимает и пришлет ко мне Рассказова с билетами и командировочными. Лететь мне через два дня, так что руку свою я вылечить успею.

– Конечно, – пробормотала я.

Спорить с шефом мне не хотелось. Вчерашнее нападение в подъезде сегодня уже выглядело менее зловещим, хотя вопрос – кто? – не оставлял меня в покое. Я жила очень замкнуто: ни знакомых, ни врагов у меня не было. Получается, что на меня напали случайно? Хотелось бы думать, что это так... В противном случае можно сломать голову, размышляя над всем этим. Мелькнула мысль, что нападение как-то связано с моей предстоящей поездкой в Антибы... Паша клялся, что об этом никто не знает. Но в столь узком кругу все тайное быстро становится явным. Недоброжелателей у нас – хоть отбавляй. Тот же Баранов. И еще пара-тройка галерейщиков и искусствоведов, которые рады были бы получить этот заказ... Но, сколько я ни перебирала в уме кандидатуры на роль грабителя, никто на такое дело не годился.

Я вздохнула и оставила свои попытки. Рассказов приехал ближе к обеду, при этом настойчиво просил меня сказать шефу, что явился он якобы в двенадцать. От чая категорически отказался и прибавил, что ему уже пора.

– Жень!

Он стоял в коридоре, переминаясь с ноги на ногу, как застоявшийся конь.

– Ты вчера во сколько домой приехал?

Правая бровь Жени взлетела вверх.

– А что? – ответил он в лучших одесских традициях – вопросом на вопрос.

– Ничего. Просто так.

– Ну... просто так. Я не обязан отвечать!

– Не обязан, – согласилась я. – Просто я хотела тебе позвонить вечером, а потом подумала: вдруг ты домой поздно приходишь? – сочинила я на ходу.

– По-разному, – мое поведение было Рассказову явно непонятно. – Когда как.

– Так во сколько ты вчера пришел? – допытывалась я тоном ревнивой любовницы.

От такой моей наглости Жень даже опешил:

– В одиннадцать.

– И где ты был?

– Кристина...

Я закусила губу.

– Ладно, Жень! – с достоинством сказала я. – Давай билеты! И деньги не забудь отдать.

– Они же у вас в руках, в конверте. Там еще загранпаспорт ваш с шенгенской визой лежит. Я опустила глаза: в руках я держала плотный белый конверт.

– У меня... голова болит.

– Заметно, – пробормотал Рассказов.

Я сделала вид, что не услышала этих слов.

Когда вечный рюкзачок Рассказова скрылся за дверью, я провела рукой по лбу. Женью я своими расспросами, похоже, просто напугала. Рассказов не мог на меня напасть вчера вече-

ром: он худой и шуплый. А вчерашний мужчина был покрепче... Или это все-таки была женщина? И кого я подозреваю?! Светку Чиж?!

Я решила оставить свои бредовые идеи и не травмировать коллег подобными подозрениями.

Вечер и весь следующий день я провела дома. Мне было просто страшно выходить на улицу. Я работала на компьютере – Паша перекинул мне материал по Колпачевскому, и я старательно изучала его коллекцию. Коллекции предметов искусства в современной России обычно собираются играючи, махом, за один присест. Нет времени на раскачку, на многовековые традиции или преемственность поколений. Это у них там, в замшелой древней Европе, собрания произведений искусства складывались по кирпичику, постепенно – год за годом, шаг за шагом. Российский размах не предусматривал такой постепенности – требовалось все: много и сразу. В эпоху дешевой нефти золотой дождь хлынул и на произведения искусства – стало модно пачками скупать картины, яхты и прочее.

У каждого имелись свои пристрастия: кто покупал произведения живописи, кто – русскую графику и фарфор, кто-то собирал самурайские мечи и советские мультики. А у одного brutalного олигарха была весьма внушительная коллекция колокольчиков.

Как и многие другие русские олигархи, Колпачевский являлся поклонником русской живописи. В его коллекции наличествовал «обязательный набор»: Айвазовский, Шишкин, Репин, Саврасов, Коровин, Кустодиев, Сомов. Я внимательно изучала картины: у кого они куплены, проверяла заключения экспертов.

Коллекция Колпачевского отражала вкусы многих российских олигархов. Долгое время в своем роде универсальным капиталовложением среди наших отечественных коллекционеров предметов живописи считались полотна Айвазовского. В них можно было спокойно инвестировать деньги без малейших колебаний. Полотна популярного мариниста скупались такими темпами, которые можно было сравнить только с ростом цен на столичную недвижимость. Его покупали на «сантиметры». Когда-то десять квадратных сантиметров полотна Айвазовского стоили тысячу долларов. Потом – десять тысяч долларов. Сейчас уже – сто тысяч долларов.

При этом фальшивок «Айваза» – очень много. На рынке предметов искусства количество этих подделок гораздо больше, чем он реально написал, хотя плодовитость мариниста и вошла в поговорку.

Я несколько раз все внимательно просмотрела и выписала кое-что в блокнот. Сидела я почти до вечера, потом попила чай с лимоном, покидала вещи в чемодан, в последний момент положила в него и жемчужное ожерелье и пошла спать.

В день отлета в Париж я проснулась не просто рано, а очень рано. На улице еще была непроглядная темень. словно за окном разлился темный океан, и вода подступила к самым окнам. Не то разгар ночи, не то поздний вечер. Но я знала точно – сейчас четыре часа утра. Я ставила будильник на это время, старенький, но с оглушительным трезвоном. Он пыхтел-пыхтел, тикал-тикал, старался-заливался и не подвел меня. Протрезвонив, будильник с чувством выполненного долга смолк, а я резко села на кровати, вглядываясь в темноту за окном. Вставать не хотелось, вылезать из теплой кровати – тем более, но больше всего на свете я боялась опоздать и поэтому проворно вскочила и побежала в ванную принять душ. Холодная вода прогнала остатки сна, и, надев халат, я пошла в кухню, не забыв плотно завернуть кран, чтобы не капала вода.

Варить овсянку мне не хотелось, а сыр закончился... В эти дни я на улицу не выходила и запасов еды не пополняла.

Рука по-прежнему болела, огромный синяк красовался чуть ниже локтя. Я потрогала это место: оно болело, но уже не так сильно, как после нападения и на следующий день. Я выпила чай и стала поспешно собираться.

Я волокла свой чемоданчик, посматривая по сторонам. До моих ноздрей долетел аромат кофе, он дразнил, манил, искушал, и я повернула голову в ту сторону. Кофейня «Старбакс». О ней как-то упоминала Чиж, превознося ее лакомства и кофе до небес, и я подумала, что могу сделать маленькую паузу, время позволяет.

В кафе, в его полукруглом зале в светло-коричневых тонах, почти никого не было. Боковым зрением я увидела мужчину, сидевшего на диване с маленьким ноутбуком на коленях, и еще парочку – парня и девушку в глубине помещения. Я подкатила чемодан к стойке и заказала большую чашку кофе. Нервы, усталость, недосып сделали свое дело: я чувствовала, как моя голова наливается тяжестью, от которой мне следовало срочно избавиться.

Заказанная чашка кофе осталась на стойке, я покатила чемодан к столику.

Взяв кофе, я вернулась за столик и села, посматривая на часы. В моем распоряжении оставалось примерно двадцать минут.

Размешивая кофе, я огляделась по сторонам. Сидевший на диване мужчина по-прежнему не отрывался от ноутбука: его пальцы порхали по клавишам с поразительной быстротой. Я подняла глаза чуть выше, и у меня перехватило дыхание. Мужчина был поразительно хорош собой! Просто до неприличия. Крупные черты лица, темные выющиеся волосы, спускавшиеся чуть ли не до плеч. Иногда он резким нетерпеливым движением отбрасывал их назад. Нос с легкой горбинкой придавал ему несколько хищный вид. Изящные, как у пианиста, длинные пальцы; одет он был в горчичный кашемировый свитер, из-под которого выглядывала темно-серая майка. Он сидел, закинув ногу на ногу, и они образовывали прямой угол, так что мне были видны его серые носки и модные ботинки. Он выглядел ужасно дорого, стильно и шикарно. Раньше таких мужчин я видела только у Светы Чиж – в ее глянцевах журналах, в рубрике «Сейчас это модно» или «Хроника светской жизни».

Кажется, мужчина понял, что я бесцеремонно его рассматриваю, и его тяжелый взгляд буквально прошел меня насквозь. Глаза его были темными, в обрамлении черных ресниц, а взгляд был безразлично-отчужденным. С таким взглядом прогоняют назойливую муху, которая случайно села на праздничный торт.

Я поспешно взяла свою чашку и сделала два глотка. Он по-прежнему рассматривал меня, этот взгляд я чувствовала даже на расстоянии, мои руки невольно задрожали, и я чуть не расплескала кофе.

Наконец его взгляд скользнул мимо меня, и я с облегчением вздохнула. В течение нескольких минут я боялась взглянуть в его сторону, чтобы он не расценил мое внимание к его персоне как явно неприличное и вызывающее. Но этот мужчина притягивал меня как магнит, и пару раз я украдкой все же покосилась на него.

Я посмотрела на часы и поняла, что мое время истекло. Мне следует встать, взять свой чемодан и катить к терминалу. Но уходить мне страшно не хотелось. Из-за него. Так бы я и сидела, разглядывая этого мужчину, испытывая при этом некое смутное ощущение... да, чувство какое-то странное – будто я его где-то уже видела... Вот только где?

Волевым усилием я заставила себя встать и прошествовала мимо него. Чемодан мой (как мне казалось) страшно громыхал, и самой себе я напоминала неуклюжего деревянного человечка, на ногах-ходулях топавшего по полу. Я напрасно скашивала глаза: на меня этот интересный гражданин даже не поглядел. Я испытала жгучее разочарование и даже на секунду пожалела, что не родилась роковой красоткой, мимо которой не прошел бы ни один мужчина.

Я в первый раз летела самолетом, никогда до этого не бывала в аэропорту и дрейфила жутко. У меня имелась своя система защиты от страха: чем больше я боялась, тем более агрессивной и напористой старалась выглядеть, надевала маску успешной деловой женщины, которая с ходу разрулит любую проблему. Вот и сейчас я выпятила вперед подбородок и подняла голову повыше, стараясь прочитать номера гейтов и понять, куда мне идти. Спрашивать кого-

то из толпы – бесполезно: все торопились по своим делам и не обращали ни на кого внимания. Мне придется выпутываться из этой ситуации самой, ни на кого не надеясь и не рассчитывая на помощь, но меня поджимало время, и я уже ругала себя за то, что сидела в кафе и потягивала кофе, не разобравшись заранее с посадкой.

Наконец я остановила работницу аэропорта, и она с заученной улыбкой сказала мне, куда идти. Я погромыхала со своим чемоданчиком в указанном направлении и неожиданно увидела перед собой мужчину с ноутбуком – со спины. Да, у него и правда чертовски стильная спина, от нее у меня просто пошли мурашки по коже. Я даже приостановилась, налетела на свой чемоданчик – и, конечно, не рассчитав сил, грохнулась на пол.

Я тряхнула головой и почувствовала, что меня поднимают под локти. Запах хорошего одеколona, пахнувшего свежим, только что разрезанным апельсином, заставил меня повернуть голову вправо, и я уперлась взглядом в уже знакомый мне кашемировый свитер и видневшуюся из-под него темно-серую майку.

– Как вы? – спросил он по-французски.

И тут я, вместо того чтобы поразить его своим безупречным французским, тщательно выпестованным, взлелеянным Геней, как-то жалко мотнула головой, разом относя себя к глухонемым особям, чем вызвала едва уловимое презрительное пожатие плечами с его стороны.

Я не нашла ничего лучшего, чем выдать расхоже-интернациональное:

– О'кей.

– Гуд, – услышала я в ответ. – Вери гуд.

– Сэнкью, – брякнула я. Но он уже не слушал: он уходил-уплывал от меня, рассекая толпу своими широкими плечами, обтянутыми кашемировым свитером.

Еще не объявляли посадку на самолет. Я сидела в кресле и смотрела на поле – я еще никогда не видела самолетов так близко через большое, во всю стену, окно зала ожидания.

Наиболее нетерпеливые пассажиры уже толклись возле стойки регистрации со своими чемоданами и сумками. Объявили посадку, и все ринулись в ту сторону, выстраиваясь друг за другом в длинную очередь, похожую на загогулину. Я оказалась втиснутой между моложавой парой, обремененной двумя серебристо-серыми чемоданами, и молодой девушкой, без умолку с кем-то болтавшей по телефону. Я поправила сумку на плече и достала из нее паспорт вместе с посадочным билетом.

Огромная серая кишка-труба поглотила пассажиров, все дружно топали по ней, торопясь и обгоняя друг друга.

У входного люка нас встречали две стюардессы и один стюард – молодой брюнет с волнистыми волосами.

Мое место было у окна. Справа сидела бабулька лет семидесяти, с седыми кудряшками-кудельками, она крепко прижимала к груди ярко-розовую сумку и вертела головой в разные стороны. Я прильнула к иллюминатору, рассматривая летное поле. День был серо-мглистым: я почувствовала, что голова моя наливается тяжестью, у меня болела рука и хотелось спать. Я отчаянно боролась с сном, боясь пропустить момент взлета. Наконец, мимо медленно поплыли самолеты, оставшиеся на поле, как в замедленной съемке. Я уткнулась носом в иллюминатор, ничего не слыша вокруг себя, полностью выключившись из окружающего мира, и вот самолет задрожал, завибрировал, и этот звук моментально отозвался холодом у меня в животе. Мне стало страшно: руки тоже похолодели, и я вцепилась в подлокотники, вжалась в кресло, но самолет уже готовился оторваться от земли, основательно разбегаюсь перед прыжком-рывком в мрачно-серые небеса. Я закрыла глаза и прошептала первые строчки польской молитвы, которую часто слышала от Гени. Рядом со мной раздался голос. Разговаривали по-французски. Один – мужской голос, другой – женский. Я открыла глаза. Одна из стюардесс, та, у которой была толстая коса, очаровательно улыбаясь, говорила той самой «стильной спине» в кашемировом свитере о том, что пересесть никак невозможно, потому что все места заняты. Я

вытянула шею. Мужчина моей мечты не хотел сидеть рядом с толстым пассажиром лет тридцати, с чавканьем жевавшим булочку с сосиской.

– Прошу вас, – вежливо настаивала стюардесса, – займите свое место. Нельзя стоять в проходе.

– Но я не могу... он... пахнет, – с отчаянием жестикулировал «кашемировый свитер».

– Прошу вас. – Стюардесса уже подталкивала его к месту, как вдруг он решительно направился ко мне, и я – от невольного испуга – сцепила руки и подалась назад.

– Вот свободное место, – сказал он указывая на мой ряд.

Она колебалась недолго: его напору и решимости сопротивляться было очень трудно. Он наседал-нападал на нее со здоровой решительностью и агрессией. Стюардесса, немного поколебавшись, сдалась. Она улыбнулась еще раз холодной вежливой улыбкой и сказала:

– Хорошо. Садитесь.

Пульс мой застучал сильнее, лоб покрылся мелкой испариной. Почему-то совсем нехотя я подумала, что сейчас упаду в обморок, чего со мной раньше никогда не случалось. Но, похоже, именно сегодня я была близка к этому состоянию, как никогда.

Старушка – божий одуванчик – встала, и «кашемировый свитер» сел рядом со мной. Я затаила дыхание. Лучше всего притвориться, что я сплю, и я поспешно закрыла глаза. Но моей недавней сонливости как не бывало – ее унесло напрочь, и я подумала, что все время полета мне придется усердно изображать из себя спящую красавицу, иначе я вряд ли вынесу присутствие этого мужчины рядом с собой.

Небесные красоты проплывали мимо меня, а я старательно жмурила глаза, мерно и тихо дыша.

Спустя какое-то время послышалось шуршание, и сквозь ресницы я увидела, что мой сосед достал блокнот и начал что-то в нем писать быстрым летящим почерком. Бизнесмен, решила я. В кафе он не отрывался от ноутбука, сейчас – от блокнота. Мужчина был поглощен своим делом и не обращал на окружающих никакого внимания. Я снова закрыла глаза. Мне уже стало неудобно так сидеть, но я боялась пошевелиться, чтобы не выдать себя. Раздался голос стюардессы, предлагавшей напитки. Я подалась вперед.

– Мне колу! – отчетливо сказала я.

«Кашемировый свитер» выбрал простую воду. Еще бы, подумала я, такие мужчины, наверное, пьют родниковую воду с Альп, а не стандартную газированную с красителями.

Пил он большими глотками, бесшумно, жадно. Голова его слегка запрокинулась, и я скосила на него глаза. Он не обращал ни на кого внимания – как будто вокруг него совершенно не было людей. Ощущение от такой манеры держаться возникало не самое приятное, словно я вообще не существую на свете.

Я вся подобралась и протянула руку за стаканом с колой. Он не сделал никакой попытки помочь мне, и я подумала: хорошая отместка за такое его поведение получится, если я сейчас расплескаю колу на его брюки или свитер! Это сразу выведет этого сноба из состояния полного наплевательства на всех и вся.

Сонливости уже не было. Я подняла руку, чтобы поправить волосы, и случайно задела локтем своего соседа. Он вообще никак не отреагировал – я была для него надоедливой мухой, просто кружившей в воздухе.

– Экскюзми, – сказала я довольно громко. Но он просто меня не слышал и даже не повернул головы.

Хрен мажорный, как выражается, говоря о таких мужиках, Светка Чиж. «Заносчивый эгоист с завышенным самомнением, но привлекателен, сукин сын, и сексуален», – вздыхала она. Чем-то подобные типы неизменно ее привлекали. «Опять я втюрилась в хрена мажорного», – говорила она, заявляясь на работу. Я сочувственно кивала ей, не слишком вникая в перипетии личной жизни коллеги. И вот сейчас я, похоже, понимала ее. Чувства, возникавшие

в моей душе из-за нескольких мимолетных столкновений с этим мужчиной, плохо поддавались логическому осмыслению. Во-первых, я испытывала жуткое раздражение оттого, что в его системе координат меня не существовало как самостоятельной единицы. Он просто не обращал на меня никакого внимания! И от одного этого можно было прийти в бешеную ярость. Во-вторых, он... притягивал меня. Как магнит – железные опилки, несмотря на всю прозаичность этого сравнения. Чтобы он ни делал и куда бы ни глядел, мне от него глаз не хотелось отводить! В-третьих, он... пугал. Внушал мне странный безотчетный страх, как непредсказуемое явление природы – тайфун «Катарина» или извержение исландского вулкана с труднопроизносимым названием.

Это пренебрежительное невнимание к себе сносить и дальше я уже не могла. Собрав в кулак всю свою решимость, я встала и выпалила на своем безукоризненном французском языке, отточенном в диалогах с Геней:

– Простите! Я вас побеспокою, но мне нужно выйти. Я понимаю, что вам не хочется вставать, но все же прошу вас как-то учесть мою просьбу!

Я выпалила эти фразы на одном дыхании, глядя на него сверху вниз. Ручка, зажатая в его пальцах, по-прежнему что-то строчила в блокноте, но подбородок его вздернулся, а губы сложились в странную усмешку. Его глаза так и впились в меня, но я стойко выдержала его взгляд. И тут в сонно-презрительной глубине его глаз словно что-то разбилось, как будто бы треснул лед, и живая вода вырвалась наружу.

– Да... конечно.

Мужчина встал и вышел в проход. Я ловко обогнула старушкины колени и почти уперлась в него. Он не сделал ни шагу назад, и мой взгляд остановился на его правом плече. Я ужасно покраснела и прокляла себя за малодушие. Он, словно больше не желая испытывать мою решимость и нервы, отступил в сторону, и я прошла мимо него, стиснув зубы, хотя больше всего мне хотелось размахнуться и съездить ему по физиономии. Я не узнавала саму себя, и это тоже меня пугало.

В туалете я посмотрела на себя в зеркало: выражение моих глаз было испуганным и вместе с тем – каким-то мрачно-торжествующим. Я была не я. По лицу пошли красные пятна. У меня всегда была очень бледная, фарфоровая кожа. Польская кожа, беленькая, как молоко, говорила Геня. Сама она никогда не загорала и гордилась своей безупречно белой кожей... Я открыла кран с холодной водой и умылась. Руки дрожали... Кристина, прошу тебя, успокойся! Ты просто никогда не летала и поэтому нервничаешь. Приведи себя в порядок. Геня бы не допустила такой паники на пустом месте непонятно отчего. Воспоминания о Гене немного успокоили меня.

Когда я подошла к своему ряду, «кашемировый свитер» дремал, запрокинув голову на спинку кресла. Я бросила беспомощный взгляд на бабульку, та что-то залопотала, пожимая плечами.

– Простите, – сказала я громко, впрочем, без всяких видимых последствий.

Я тронула «кашемировый свитер» за плечо. Мужчина открыл глаза и уставился на меня с таким выражением, словно увидел впервые.

– Мне надо пройти.

– А... – он встал и пропустил меня. – Проходите, – в его хриплом голосе почудилась легкая насмешка.

Я села на место и отвернулась к иллюминатору. Густые, словно взбитые сливки, облака проплывали подо мной. Изредка в их разрывах виднелось бледно-голубое небо. Еще я видела крыло самолета, плывущее в небе как бы отдельно от салона, на одной параллели с моим креслом. Это крыло напоминало мне плавник дельфина, вынырнувшего из моря.

– Сейчас принесут еду, – доверительным тоном сказал «кашемировый свитер».

– Простите? – Я повернула голову. До чего же хорош, сукин сын! Хоть для обложки «Вог» его снимай!

– Советую заказать вино. Вино здесь подают отменное. Вы часто летаете в Париж?

Я выпрямила спину:

– Нет. Нечасто.

– У вас прекрасный французский.

– Брала уроки.

– Вы оказались талантливой ученицей... Андре.

– Кристина.

– Это прибалтийское имя?

Я ничего не ответила.

– Вы летите по делам? Или отдыхать?

Теперь он выступал уже в иной роли. От маски равнодушного красавца ничего не осталось; теперь это был искустель-соблазнитель, распушивший свои павлиньи перья. И я подумала, что должна быть начеку, а не сидеть сиднем, убаюканная его низким красивым голосом.

– По делам.

– Понятно. Надолго?

– Точно еще не знаю.

Я отвечала, не поворачивая голову, стараясь, чтобы мой голос звучал монотонно-равнодушно, с легкой ноткой светскости. Я понятия не имела, как разговаривают светские дамы, но мне почему-то казалось, что именно так: равнодушно-скучающе. Как я сейчас.

Нам принесли еду. Мой сосед снизошел ко мне и передал лоток, обтянутый сверху фольгой. Все, как по команде, откинули столики и положили на них свои порции. Я попробовала что-то очень нежное: кажется, телячью котлетку с пюре и овощным салатом. Вино действительно было отличным. Я откинулась на спинку кресла.

– Понравилось? – вкрадчиво спросил «кашемировый свитер» – Андре.

– Да, – пискнула я. В голове моей с непривычки зашумело. Я вспомнила, что Пашей на меня возложено ответственное задание, которое я ни в коем случае не должна провалить. Да и вообще, слова «провалить», «Паша» и «задание» никак не сочетаются. Я знаю, каким жестким и непреклонным бывает мой шеф, когда речь идет о работе. На моей памяти он однажды едва не выгнал Чиж за какую-то мельчайшую провинность. А ведь Чиж работала с Пашей уже десять лет, была его правой рукой и левой ногой! И, как я подозреваю, – бывшей любовницей, но сама Светка на эту тему никогда не распространялась. Я подозревала, что у них все закончилось обоюдным разочарованием или Паша посчитал, что иметь Чиж в любовницах накладно: Светка запросто могла сесть ему на шею и начать качать права.

Подавив вздох, я подумала, что время моего пребывания за границей пролетит быстро. От меня требуется всего ничего: проинспектировать коллекцию Колпачевского, дать свое «добро» и вылететь обратно в Москву. И скоро вся эта поездка покажется мне нереальным волшебным сном, когда просыпаться отчаянно не хочется, а, напротив, хочется зарыться поглубже в одеяло и спать, спать, спать...

Внезапно я почувствовала, что меня и вправду одолевает сон. Я украдкой скосила глаза на соседа, но он уже достал блокнот и приготовился снова что-то в нем писать. Котировки валют, что ли, считает, подумала я. Биржевик какой-то или бизнесмен. Я снова отвернулась к иллюминатору и, устроившись поудобнее, задремала.

Проснулась я оттого, что у меня затекли ноги. Я почувствовала, что на меня смотрят, и повернула голову.

– Выспались? – раздался веселый голос. – Я уж думал, что вы будете спать до самого Парижа.

В присутствии этого мужчины очень легко почувствовать себя полной идиоткой или ничтожеством. Он это мастерски умеет делать, подумала я.

– Я задремала. Все равно в полете скучно и нечего делать.

– Можно почитать газеты. Серьезные. Или вы не интересуетесь?

– Интересуюсь, даже очень интересуюсь, – с некоторым вызовом сказала я.

– Тогда могу предложить. – И прямо мне под нос подсунили «Фигаро».

– Благодарю.

Для вида я полистала газету и положила ее на колени.

– Вы долго пробудете в Париже?

Теперь я повернула к нему голову. Черные глаза смотрели на меня в упор. От его немигающего взгляда мне стало как-то не по себе, и я опустила глаза вниз.

– Два дня. Точнее, два с половиной.

– А потом?

– Я улетаю в Антибы.

– Прелестный городок, – промурлыкал «кашемировый свитер». – Вы там бывали?

– Нет.

– Тогда я вам завидую. Вам он понравится. Послушайте. – Он перегнулся ко мне. Красивые длинные пальцы легли на подлокотник кресла в опасной близости от моей руки. – Вы где остановились в Париже?

– Я... не знаю.

Левая бровь Андре весело взлетела вверх.

– То есть как это?

– Так... – Негнущимися пальцами я достала из сумки бумажку и расправила ее: – Отель «Ле Кардинал».

– Неплохой отель. На левом берегу Сены. Вы... – Он легонько потряс рукой, словно у него затекли пальцы. – Не дадите мне свою визитку?

– Вот. – Из недр своей сумки я выудила визитку и протянула ее Андре. А он дал мне свою. Мои пальцы встретились с его, при этом мои были холодными, просто ледяными, а его пальцы – горячими.

– Вы замерзли? В Париже сейчас теплее, чем в Москве. Где-то плюс пять.

– Я привыкла к минус десяти или к минус двадцати.

– Ах да, вы же из России! Как у вас там, медведи по улицам не ходят?

– Избитая шутка! – внезапно рассердилась я. – И про медведей, и про валенки. А также – про водку и шапки-ушанки. Эти мифы уже у всех в зубах навязли! А впрочем, может, вы гуляли только по Красной площади, а Москву видели лишь из окна отеля? Бывают и такие иностранцы.

Мой собеседник оглушительно захохотал, обнажив крупные белые зубы.

Бабулька неодобрительно скосилась на него.

– Вы не замерзнете. Потеплее оденетесь, и все. Гулять по Парижу – одно удовольствие в любое время года.

– Не сомневаюсь.

– Но вы же бывали там?

– Бывала. – С этим типом мне надо быть поосторожнее! А то он меня сразу раскусит. – Но разве можно сказать, что прогулки по Парижу могут надоесть или исчерпать себя?

Он наклонился ко мне, и его глубокие черные глаза-озера оказались совсем рядом с моим лицом:

– Браво! Вы хорошо парируете!

– Спасибо.

Мне уже страшно хотелось побыстрее прилететь в Париж и отделаться от своего нового знакомого; может быть, потом я и пожалею об этом, но сейчас я нуждалась хоть в минуте отдыха, мне требовалась пауза. Я слишком долго пробыла рядом с этим мужчиной на огромной высоте, в разреженном пространстве, и мне хотелось нормальной атмосферы – еще немного, и я опьянею, потеряю сознание из-за одного присутствия этого человека.

Я отвернулась и уставилась в иллюминатор.

– Скоро прилетим, – сказал он, словно прочитав мои мысли.

А я уже не знала: хочу ли я, чтобы этот полет закончился... Я прижалась лбом к стеклу. Облака поредели, и самолет плыл в сочной небесной голубизне. Красота!

Мой собеседник замолчал. Может быть, он рассердился? Я ощутила неясную тревогу: вдруг мои шутки показались ему слишком... рискованными, и это я должна была промолчать?

Только сейчас я поняла, что его визитка по-прежнему у меня в руках – маленький клочок картона с золотыми тисненными буквами. Я спрятала ее в сумку и сложила руки на коленях. Мне было страшно повернуть голову в его сторону, от напряжения мое тело с левой стороны онемело, я чуть развернулась – мой сосед что-то опять писал в блокноте, как будто мы с ним и не разговаривали несколько секунд тому назад.

Посмотрев на часы, я поняла, что мы скоро прилетим. Мне надо будет взять такси и добраться до отеля... Два дня в Париже, а потом я вылетаю в Антибы.

Я попыталась составить четкое расписание своего сегодняшнего и завтрашнего дня, но у меня это получалось плохо, все мои мысли занимал человек, сидевший слева от меня. Интересно, он женат или нет? Кольца на его руке нет, но это еще ни о чем не говорит, он мог снять его на время, когда ездил в Москву в командировку. Как только мы приземлимся, он опять станет окольцованным, знаем мы эти штучки командировочных! А где и кем он работает? В бизнесе? На визитке наверняка написано, «что-он-там-производит» или «где-кого-консультирует». Или чем владеет. Вот приеду в отель и рассмотрю визитку как следует.

Нам объявили о скором приземлении и попросили пристегнуть ремни. Самолет жутко затрясся, как в припадке, тошнота поступила к горлу, и я сглотнула. Стало страшно: мне показалось, что самолет сейчас развалится на куски, в памяти всплыли какие-то кадры из документальной хроники: приземление на взлетной полосе, и самолет разваливается на части, словно отваливаются куски от торта, потом взрыв, языки пламени – и все. Невольно бросив взгляд на соседа и убедившись, что он не паникует, а сидит, сосредоточенно смотря прямо перед собой, я немного успокоилась. И стала считать про себя до ста. На семьдесят седьмой секунде самолет перестало трясти: он коснулся бетона и тяжело поехал по полосе, и я с облегчением вздохнула. Увидела здание аэропорта и поняла, что я в Париже, о котором столько мечтала!

Пассажиры нестройной стайкой потянулись к выходу.

– Было приятно познакомиться, – услышала я от своего соседа.

– Взаимно.

– Я вам позвоню, – эти слова, сказанные тихим голосом, едва долетели до меня, и мои щеки мгновенно неприлично заалели. Я опустила голову, чтобы это не было так заметно. Он мог расценить этот жест как краткий кивок при расставании – взглянуть ему в глаза я не осмелилась.

В Париже шел дождь – легкий, игривый. Здания, тротуары и люди были какими-то размытыми, словно я смотрела на них сквозь заиндевшее стекло. Такси я нашла быстро. Выходя из самолета, я поискала глазами «кашемировый свитер», но он быстро исчез из поля моего зрения, растворившись в многоцветной толпе.

Ну и пусть.

У меня целая куча дел с грифом «сделать обязательно». И, кроме того, я – в Париже, в городе, который обязательно должна осмотреть, познакомиться с ним. Я не успела составить

список обязательных для осмотра памятников, но и без этого списка прекрасно знала, куда я должна попасть в первую очередь.

Эйфелева башня – раз. Лувр – два. Вандомская площадь – три. Прогуляться вдоль Сены – четыре. Люксембургский сад – пять. Ну, хотя бы это выполнить, оборвала я себя. Не раскатывай губу, Кристина!

А если мне позвонят? Тогда...

Вряд ли. Он уже и забыл о моем существовании.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.